

Великая книга
величайшего
из мастеров жанра

**ТОМАС
ХАРРИС
КРАСНЫЙ
ДРАКОН**

Томас Харрис
Красный дракон

Серия «Ганнибал Лектер», книга 1

Серия «Томас Харрис. От
автора «Молчания ягнят»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125703

Томас Харрис. Красный дракон: Издательство «Э»; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-83540-9

Оригинал: ThomasHarris, "RED DRAGON"

Перевод:

Вл. Гусев

Аннотация

**ВЕЛИКАЯ КНИГА ВЕЛИЧАЙШЕГО ИЗ МАСТЕРОВ
ЖАНРА**

Томас Харрис – самый известный из современных мастеров триллера. После окончания университета Бэйлора будущий писатель работал репортером уголовной хроники, много путешествовал по Европе. С 1968 по 1974 год сотрудничал с «Ассошиэйтед пресс» в Нью-Йорке. В 1975 году опубликовал роман «Черное воскресенье», ставший бестселлером в США и Европе.

Все последующие романы Т. Харриса становились международными бестселлерами. Они были переведены на многие языки мира и неоднократно экранизировались.

НАЧАЛО ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО И УЖАСНОГО ГАННИБАЛА ЛЕКТЕРА

Роман, предваряющий культовую книгу «Молчание ягнят». Знаменитая экранизация с Энтони Хопкинсом в главной роли.

Зайдя в тупик в расследовании дела серийного убийцы, прозванного Красным Драконом, ФБР обращается к доктору Лектеру. Ведь только маньяк может понять маньяка. Легендарному Ганнибалу Лектеру придется вступить в интеллектуальную схватку с другим серийным убийцей. Какую изощренную игру решил затеять доктор, решив помочь ФБР?

«Никто никогда не освещал тьму в душах людей более основательно и объективно, чем Томас Харрис. И, наверное, больше никому это не под силу».

The Washington Post

«Последние два десятилетия 19 века в детективном жанре властвовал Конан Дойл со своим Шерлоком Холмсом. Век спустя тех же высот в жанре достиг Томас Харрис».

Guardian

«Читать романы Харриса – это как медленно проводить рукой по холодному шелку».

Стивен Кинг

Содержание

1	6
2	19
3	37
4	57
5	63
6	75
7	94
8	109
9	113
10	123
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Томас Харрис

Красный дракон

*Сердце человека – Милосердие,
Жалость и Печаль – его лицо,
Любовь – его божественное тело,
Покой – его бессменная одежда.*

Уильям Блейк, из цикла «Песни
невинности» (Божественный образ)

*Сердце человека – Бессердечность,
Ревность с Завистью – его лицо,
Ужас – его дьявольское тело,
Тайна – его вечная одежда.
Сердце человека – голодная бездна,
Лицо человека – закрытая печь,
Тело человека – кузница огня,
Одежда человека – кованое железо.*

Уильям Блейк, из цикла «Песни
опыта» (Божественный образ).
Перевод на русский язык Ларисы Васильевой

© Гусев В. В., перевод на русский язык, 2010

© ООО «Издательство «Э», 2015

1

Усадив Крофорда за небольшой столик, стоявший в нескольких шагах от полоски приборя, Уилл Грэм предложил ему стакан чая со льдом. Джек Крофорд оглянулся на старый, но очень симпатичный дом – его крепкие просоленные доски сверкали в ярком свете дня.

– Надо было поговорить с тобой еще в Марафоне, сразу как закончилась твоя смена на верфи, – начал Крофорд. – Здесь ты вряд ли захочешь об этом говорить.

– Джек, я вообще не хочу об этом говорить, – ответил Грэм. – Но раз уж приехал – выкладывай. Только без фотографий. Скоро придут Молли и Вилли. Я не хочу, чтобы они все это видели.

– Что ты об этом знаешь? – спросил Крофорд.

– Не много. Лишь то, что напечатано в «Майами геральд» и «Таймс»: месяц назад в Бирмингеме была убита семья, позавчера в Атланте – вторая. В обоих случаях почерк схожий.

– Не схожий, а одинаковый, – поправил Крофорд.

– Ложных признаний много? – осведомился Грэм.

– Сегодня после обеда звонил нашим, было восемьдесят шесть. Психи. Ни один не знает, что тот бьет зеркала и использует осколки.

– Чего еще не знают газетчики? – спросил Грэм.

– Убийца – блондин, правша, физически сильный. Сорок

пятый размер обуви. Умеет завязывать беседочный узел. Работает в резиновых перчатках.

– Ну, об этом ты говорил в интервью.

– Замки открывать, видимо, не умеет, – продолжал Крофорд. – Последний раз, чтобы попасть в дом, вырезал стекло алмазом. Чуть не забыл, у него первая группа крови, резус положительный.

– Его что, кто-нибудь зацепил?

– Насколько нам известно, нет. Определили по сперме и слюне. Он относится к тем, у кого в секреторных выделениях содержатся антигены группы крови.

Крофорд посмотрел вдаль, на спокойную воду океана.

– Уилл, я хочу тебя спросить, – осторожно начал он. – Ты ведь видел газеты. А после второго убийства была куча телерепортажей. Неужели тебе ни разу не захотелось мне позвонить?

– Нет.

– Почему? – поинтересовался Джек.

– Бирмингемский случай описывали очень скупо. Убийство как убийство. Может, месть, а может, с родственником что-нибудь не поделили, – объяснил Грэм.

– Но после Атланты ты, конечно, понял, кто тут замешан, – возразил Крофорд.

– Да. Психопат, – согласился Грэм. – А не позвонил потому, что не хотел. Что я, не знаю, кто у вас там работает? Да таких криминалистов еще поискать надо. Тебе, поди, по-

могают и Гаймлих из Гарвардского университета, и Блум из Чикагского...

– В то время как некоторые продолжают чинить долбаные лодочные моторы.

– Вряд ли я на что-нибудь сгожусь, Джек. Я обо всем этом уже и думать забыл.

– Да ну? А двое последних, которых мы посадили? Ведь брал их ты.

– Да ладно тебе. Ничего особенного я не делал.

– Ничего особенного? Да ты же думаешь по-другому, не как все!

– Правильно, теперь ты будешь этот бред повторять...

– Постой, постой. Ты же выходил на них внезапно, ни с того ни с сего. Как? До сих пор никто не знает.

– Улики анализировал, вот как, – проворчал Грэм.

– Какие улики? Улики потом появились, после ареста. Ты вспомни, мы даже мотив установить не могли!

– Джек, у тебя неплохая команда. От меня особого прока не будет. Я нарочно забрался сюда, чтобы уйти от всего.

– То, что тебя ранили, я не забыл. Но сейчас ты вроде выглядишь нормально.

– А я и чувствую себя нормально. Дело не в том, что меня порезали. Тебя тоже резали.

– Резали, но не так сильно.

– Дело не в этом. Просто я решил поставить точку. Не могу объяснить почему.

– Не можешь больше на все это смотреть? Прекрасно понимаю, ей-богу.

– Нет, не смотреть. Смотреть просто приходится. Приятного, конечно, мало, но работать с трупами можно научиться, привыкнуть, что ли... А вот допросы, больницы... Когда все это стоит перед глазами, а нужно думать, думать, думать... Нет, не потяну. Смотреть еще бы смог, а постоянно об этом думать – уволь...

– Эти уже мертвые, Уилл, – произнес Крофорд, стараясь, чтобы голос звучал как можно теплее.

Слушая Грэма, Крофорд узнавал в речевом ритме и построении фраз свою собственную манеру говорить. Он замечал это за Грэмом и раньше, в беседах с другими. В напряженные моменты Грэм вдруг начинал как бы копировать собеседника. Поначалу Крофорду казалось, что Уилл делает это намеренно, рассчитывая разговорить собеседника, но потом он понял, что тот сам ничего не может поделать: это происходит помимо его воли.

Крофорд двумя пальцами вытащил из внутреннего кармана пиджака две фотографии и бросил их на стол изображением вверх.

– Уже мертвые, – повторил он.

Грэм на секунду задержал взгляд на его лице. Потом потянулся за фотографиями.

Перед ним были два любительских снимка. На одном – пруд. По склону берега поднимается женщина. В руках у нее

– корзина для пикника. За ней идут трое детей и утка. На другом – семья вокруг праздничного торта.

Не прошло и полминуты, как Грэм положил снимки на стол. Пальцем он подвинул верхний так, что тот аккуратно совместился с нижним. Он отвернулся и посмотрел вдаль. У самой воды он увидел мальчика: сидя на корточках, тот что-то искал в песке. Рядом, по щиколотки в воде, стояла подбоченясь женщина и наблюдала за ним. Вот она повернулась к воде спиной, наклонилась и откинула влажные волосы с плеч.

Грэм некоторое время наблюдал за ними, словно забыв о Крофорде.

Крофорд понял, что приехал не зря. Он правильно выбрал место для разговора, теперь важно не показать радости.

«Похоже, поддается, – подумал он. – Теперь пусть дозревает».

Подошли три на редкость страшные дворняги и улеглись у стола.

– Это что такое? – спросил Крофорд.

– По-моему, это собаки, – ответил Грэм. – Сюда со всей округи приходят щенков топить. Тех, что посимпатичнее, мне удастся пристроить. Те, что остаются, вырастают вот в таких.

– Довольно упитанные.

– Молли подкармливает. Она жалеет бродячих собак.

– Вы неплохо здесь устроились, – произнес Крофорд. –

Сколько мальчику лет?

– Одиннадцать, – сказал Грэм.

– Славный парень. Вырастет – будет выше тебя.

Грэм кивнул.

– Отец у него был высокий... А жить здесь здорово, ты прав. Я хотел перевезти сюда Филлис, выйти на пенсию, обосноваться тут как следует. Надоело жить как перекапти-поле. Она скучает – ничего удивительного. Все ее друзья остались в Арлингтоне.

– Кстати, передай ей, что я благодарен за книги, которые она мне приносила в больницу. Сам я не успел.

– Конечно, передам.

Прямо на стол сели две птички, видимо надеясь найти остатки джема. Крофорд смотрел на них, пока они не упорхнули.

– Очевидно, на этого типа влияет луна, Уилл. Джейкоби он убил в субботу, двадцать восьмого июня, в полнолуние. Двадцать шестого июля, позапрошлой ночью, – Лидсов. За один день до полнолуния. В следующий раз полная луна выйдет почти через месяц. У нас есть три недели, чтобы подготовиться к встрече. Не думаю, что ты сможешь спокойно сидеть и ждать, пока газеты сообщат о его новой вылазке. Черт возьми, Уилл, я ведь не проповедь читать приехал. Скажи, тебе не безразлично мое мнение?

– Конечно нет, – ответил Грэм.

– С твоей помощью у нас больше шансов быстро его взять.

Так что давай седлай – и по коням. Поезжай в Атланту, в Бирмингем, посмотри, а потом приезжай в Вашингтон. Я же не предлагаю тебе вернуться в штат, – продолжал уговаривать Крофорд.

Грэм молчал.

Волны набегали на берег и откатывались назад. Крофорд помедлил, потом встал, накинул пиджак на плечи.

– Ну ладно, – сказал он, – поговорим после ужина.

– Оставайся с нами, – предложил Грэм.

Крофорд покачал головой.

– Не могу, – ответил он. – Мне будут звонить в гостиницу, еще надо кое с кем связаться. Передай Молли спасибо за приглашение.

Взятая напрокат машина Крофорда оставила после себя облако редкой пыли, осевшее на придорожных кустах. Грэм вернулся к столу. Он уже знал, что потом будет вспоминать последний день счастливой жизни на мысе Шугалауф именно вот так: стол красного дерева, тающие кусочки льда в двух стаканах, салфетки, разлетающиеся от ветра, и далекие силуэты Молли и Вилли.

Закат над мысом Шугалауф: неподвижные цапли и уходящий за горизонт солнечный диск. По лицам Уилла и Молли, сидящих на выбеленном морской водой бревне, выброшенном на берег, бродили оранжевые блики. Их спины отбрасывали фиолетовые тени. Молли взяла Грэма за руку.

– По дороге Кроффорд заглянул ко мне в магазин, спросил, как сюда проехать, – сказала она. – Я пыталась до тебя дозвониться. Хоть иногда подходи к телефону. У дома мы увидели его машину, ну и свернули на пляж.

– Он о чем-нибудь еще тебя спрашивал?

– Да, поинтересовался, как ты.

– И что ты ему сказала?

– Сказала, что у тебя все в порядке и чтобы он оставил тебя в покое. Что ему надо? – спросила Молли.

– Джек хочет, чтобы я изучил улики, я ведь как-никак судмедэксперт. Ты видела мой диплом.

– Да, видела, когда ты заклеивал им дырку в обоях на потолке. – Она оседлала бревно, чтобы видеть его глаза. – Если бы ты тосковал о своей прежней жизни, о том, чем ты занимался раньше, ты бы сказал. Так мне кажется. Но ты же молчишь. С тобой сейчас легко и спокойно... таким я тебя люблю.

– Нам хорошо, правда?

Она зажмурилась, поморщившись, и Грэм понял, что сказал что-то не то.

Он хотел поправиться, но Молли продолжала:

– Работа с Кроффордом пошла тебе во вред. У него полно людей, за ним все государство! Почему он не может оставить нас в покое?

– Я на следственную работу уходил из академии дважды. И оба раза работал под его началом. Те два дела даже для

него были в новинку, а уж у него-то следственный стаж – огого! И вот опять... Психопаты такого типа – редкость. Ну а Крофорд знает: у меня есть... опыт, что ли.

– Да уж, – сказала Молли.

Рубашка на Грэме была расстегнута, и она видела шрам, пересекавший живот до самого паха. Выпуклый, шириной в палец шрам белел на фоне загорелой кожи.

За год до того, как Грэм встретил Молли, это ранение нанес ему ножом для резки линолеума доктор Ганнибал Лектер. Уилл тогда чудом остался в живых. Лектер – Ганнибал-Каннибал, как позднее окрестили его журналисты, – был вторым психопатом на счету у Грэма. Поправившись, Грэм уволился из Федерального бюро расследований, уехал из Вашингтона во Флориду и устроился работать механиком-мотористом на небольшую верфь в Марафоне. Грэм был знаком с этой работой с детства. Сначала жил в трейлере, пока не переселился к Молли, в ее старый уютный дом на мысе Шугалауф.

Грэм сел верхом на выброшенное прибоем бревно и взял руки Молли в свои. Грэм почувствовал, как под его подошвами ступни Молли зарывались в песок.

– Видишь ли, Крофорд вбил себе в голову, что у меня нюх на маньяков.

– А сам ты как думаешь?

Грэм отвел взгляд. Над ровной полосой берега один за другим летели три пеликана.

– Молли, психопата, если он не глуп, поймать трудно. Особенно садиста. Во-первых, нет мотивов преступления. Значит, этот путь закрыт. Во-вторых, почти никакой помощи от информаторов. Чаще всего задержание преступника – результат доноса, а не собственно розыскной работы. А в таких делах стучать просто некому, понимаешь? Никто ничего не знает, иногда даже сам психопат – часто он просто не отдает себе отчета в своих поступках. Поэтому приходится брать след – иногда единственный – и думать, думать... Нужно влезть в его шкуру, воссоздать картину, найти закономерности его поведения.

– А затем выследить и поймать, – вставила Молли. – Я боюсь, что если ты начнешь выслеживать этого маньяка, или как его там, то он просто всадит в тебя нож, как в прошлый раз, понимаешь? Мне страшно за тебя.

– Он не увидит моего лица, не будет знать моего имени. Когда его найдут, то брать буду не я, а полиция. Крофорд просто хочет знать мое мнение.

Молли отвернулась. Солнце напоследок окрасило волны и перистые облака в вышине багряным цветом.

Слева ее профиль был не таким правильным, и Грэму нравилось, как Молли поворачивает голову – просто, без тени кокетства. Увидев пульсирующую на шее жилку, Грэм вдруг отчетливо вспомнил вкус соли на ее коже. Проглотив подступавшую слюну, он сказал:

– Что же мне делать, черт побери?

– По-моему, ты уже все решил. Если ты будешь сидеть здесь, а он там будет убивать и убивать, вполне возможно, что ты возненавидишь это место. Знаешь, как в фильме «Ровно в полдень»?¹ Если так оно и будет, то зачем тогда меня спрашивать?

– А если я все-таки спрошу?

– Оставайся со мной. Со мной и с Вилли – я и его брошу на весы, если он что-нибудь для тебя значит. Я – что, мне положено смахнуть слезу прощания и помахать платком. А если все закончится печально, я успокоюсь мыслью, что ты не мог поступить иначе. Только спокойствие это закончится с последними тактами твоего похоронного марша. А потом я приеду домой и включу половину одеяла².

– Меня и близко к нему не подпустят.

– Так я тебе и поверила. Я эгоистка, да?

– Да. Но мне все равно.

– И мне. Мне никогда не было до такой степени хорошо. Я знаю, потому что помню все, что было со мной раньше. И поэтому я ценю то, что у нас есть сейчас, понимаешь?

Грэм кивнул.

– Я ни в коем случае не хочу лишиться этого, – сказала Молли.

– Я тоже. Все будет нормально, вот увидишь.

Быстро стемнело. На юго-западе, низко над горизонтом,

¹ Американский классический вестерн, где главную роль играет Гари Купер.

² Имеется в виду одеяло с электроподогревом.

показался Юпитер. Они пошли к дому в свете ущербной луны. В море, далеко за отмелями, из воды выпрыгивала мелкая рыбешка, пытаясь спасти свою жизнь.

Крофорд пришел после ужина. Снял пиджак, галстук и закатал рукава, чтобы придать себе непринужденный вид. Молли было противно смотреть на его полные бледные руки. Он был ей смешон своей недалекой хитростью. Пока Грэм с Вилли кормили собак, она провела его на террасу, посадила под вентилятором и налила кофе. Говорить ей не хотелось. Было слышно, как о сетки в окнах бьются мотыльки.

– Знаешь, Молли, а Уилл хорошо выглядит, – сказал Крофорд. – Да и ты тоже. Вы оба такие стройные и загорелые.

– Что бы я ни сказала, ты все равно его увезешь? – спросила она.

– Да, это необходимо. Я не могу поступить иначе. Но я тебе торжественно обещаю, что сделаю все, чтобы ему было как можно легче. Он теперь совсем другой. Здорово, что вы поженились.

– Ему лучше с каждым днем. И кошмары мучают реже. Одно время он был просто помешан на собаках. Сейчас, правда, он за ними только ухаживает, а не порывается всем о них рассказать. Джек, ты ведь ему друг, почему ты не можешь оставить Уилла в покое?

– Он самый лучший. В этом его проклятие. Он мыслит как-то по-другому. Никогда не действует по шаблону.

– Уилл считает, что ты хочешь, чтобы он познакомился с материалами дела.

– Конечно, – подтвердил Крофорд. – Никто так хорошо не может анализировать улики. Но есть и другое – воображение, пронизательность, называй как хочешь. Он сам-то не очень рад, что это в нем есть.

– А тебя бы не беспокоило, если б в тебе это было? Джек, пообещай мне... пообещай, что присмотришь за ним в случае чего. Если ему придется драться, то это его доконает.

– Ему не придется драться, это я могу обещать.

Грэм покормил собак, и Молли помогла ему собраться.

2

Уилл Грэм медленно ехал мимо дома, в котором жили и умерли Лидсы. Темные окна. В саду горел один фонарь. Он оставил машину, проехав пару кварталов, и вернулся к дому пешком. Было темно и тепло. Грэм нес картонную папку с протоколами, полученными в полицейском управлении Атланты.

Сюда Грэм хотел приехать непременно один. Присутствие полицейских будет только мешать. Так он сказал Кроффорду. На самом деле у него была другая причина. Грэм не знал, как будет реагировать на то, что увидит. Ему не хотелось, чтобы на него был постоянно направлен посторонний взгляд.

Морг он выдержал нормально.

Двухэтажный кирпичный дом Лидсов стоял в глубине поросшего лесом участка. Грэм долго стоял, прислонившись к стволу дерева, чтобы успокоиться. Перед его мысленным взором в темноте качался серебряный маятник. Он ждал, пока маятник остановится.

То и дело по дороге проезжали соседи. Бросив осторожный взгляд на дом Лидсов, они быстро отворачивались. Место, где произошла трагедия, для них как бельмо на глазу. Люди относятся к убийству, произошедшему в соседнем доме, как к предательскому удару в спину. На таких домах задерживаются взгляды лишь детей и чужаков.

Грэм с удовлетворением заметил, что занавески на окнах не были опущены. Значит, родственники там побывать не успели. Родственники всегда опускают занавески.

Осторожно ступая и не зажигая фонарика, Грэм зашел за дом. Пару раз он останавливался и прислушивался. В отличие от полиции соседи не знали, кто он и зачем пришел. Появление ночью незнакомца может их напугать. Так недолго и пулю получить.

Грэм заглянул в одно из окон, выходящих в сад. Дом отсюда просматривался насквозь: в свете фонаря, висевшего перед фасадом, виднелись очертания мебели. В воздухе стоял сильный запах жасмина.

Грэм подошел к террасе с зарешеченными окнами. Дверь была опечатана полицией. Сорвав полоску бумаги, Грэм переступил порог и вошел.

Стекло двери, ведущей с веранды на кухню, сняли для экспертизы, вставив взамен кусок фанеры. Подсвечивая себе фонариком, Грэм отпер кухню ключом, взятым в полицейском управлении, и вошел. Ему хотелось зажечь свет. Ему хотелось надеть блестящую полицейскую бляху и как-то поофициальнее представиться, чтобы оправдать свое присутствие перед этим молчащим домом, где убили пять человек. Но он просто вошел в темную кухню и сел за кухонный стол.

На газовой плите плясали язычки пламени запальников, отбрасывая голубой свет. Пахло яблоками и мебельной по-

литурой.

Вдруг раздался щелчок. Это автоматически включился кондиционер. Грэм вздрогнул, в него вонзились иголки страха. Грэм был со страхом на короткой ноге. Сейчас он с ним тоже справится. Да, он боялся, но знал, что будет продолжать осмотр.

Грэм давно усвоил, что видит и слышит лучше, когда ему страшно; в то же время страх мешал ему четко выражать свои мысли. Но в пустом доме говорить было не с кем и обижаться было некому.

Несколько дней назад в этот дом через дверь кухни пришла беда. На ней были ботинки сорок пятого размера. Сидя в темноте, Уилл просто чуял побывавшее здесь безумие, как собака – след.

Еще утром Грэм изучил протокол осмотра места преступления, составленный отделом по расследованию убийств полицейского управления Атланты. Он помнил, что подсветка вытяжки над плитой была включена, когда приехала полиция. Он поднялся и включил подсветку.

Рядом с плитой висели две вышивки, оправленные в рамки. Одна гласила: «Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда». Другая утверждала: «И именно на кухню приходят все друзья – услышать сердце дома, погреться у огня».

Часы показывали 11.30. По мнению судмедэксперта, смерть всех пяти членов семьи наступила между одиннадцатью вечера и часом ночи.

Сначала была дверь. Грэм медленно закрыл глаза...

Маньяк поддел крючок на первой двери, покрытой противомоскитной сеткой. Постоял на темной террасе, опустил руку в карман. Достал присоску, может, отломанную от точилки, что прилепляется к столу. Присев перед второй, наполовину застекленной дверью, ведущей на кухню, маньяк осторожно заглянул внутрь. Облизнув присоску, он прижал ее к стеклу, чтобы можно было вырезать круг. К присоске ниткой привязан небольшой стеклорез.

Тихо взвизгнул стеклорез, одна рука сильно нажимает на стекло, другая – держит присоску. Осколок не должен упасть. Вырезанный кусок стекла имеет яйцевидную форму, потому что нитка, которой привязан стеклорез, намоталась на стержень присоски. Неприятный скрип: это он вытаскивает вырезанный кусок наружу. Оставить на стекле следы слюны, по которой можно определить группу крови, он не боится. Вот в вырезанное отверстие пролезает его рука и открывает замок. Дверь тихо отворяется. Преступник входит на кухню. Подсветка освещает его фигуру в незнакомом помещении. В доме приятная прохлада...

Разорвав упаковку, Грэм съел два кусочка мармелада. Громкий хруст целлофана заставил его поморщиться. Он прошел через гостиную, по привычке держа фонарь подальше от тела. Изучив расположение комнат заранее, он тем не менее нашел лестницу не сразу. Ступени не скрипели.

Грэм остановился в дверях самой большой спальни. Его фонарик был выключен, и он едва различал очертания комнаты. Электронные часы на ночном столике отбрасывали блики на потолок. Над карнизом у входа в ванную висел оранжевый ночник. В комнате еще чувствовался сильный, отдающий медью запах крови.

Глаза постепенно привыкали к темноте. Да, маньяк мог различить, где лежит Лидс, а где его жена. Здесь было вполне достаточно света для того, чтобы пересечь комнату, схватить спящего Лидса за волосы и полоснуть ножом по горлу. А что было потом? Наверное, он зажег свет, поздоровался с миссис Лидс, затем выстрелом ранил ее, чтобы она не двигалась.

Грэм повернул выключатель и тут же сжался, как от боли: с матраца, пола и даже со стен на него смотрели бурые пятна крови. Ему показалось, что даже воздух в спальне пропитан криками захлебывающихся в крови людей. Грэм вздрогнул от этого неслышного шума в тихой комнате, полной подсыхающих пятен крови.

Он тяжело опустился на пол и сжал голову руками. «Спокойно, спокойно», – повторял он про себя.

Хотя все трупы были обнаружены в своих постелях, многочисленные пятна крови разной конфигурации были чуть ли не по всему дому. Полицию это поставило в тупик.

Сначала они решили, что Чарльз Лидс подвергся нападению в комнате дочери, а затем его труп был перетащен в спальню. Однако данные экспертизы заставили их отказаться-

ся от этой версии. Следствию никак не удавалось установить последовательность действий убийцы.

Теперь, зная результаты вскрытия и экспертизы, Грэм начал понимать, как все произошло на самом деле. Убийца перерезал горло спящему Лидсу, потом включил свет: на кнопке выключателя остались следы жира и несколько волосков. Он выстрелил в порывавшуюся подняться миссис Лидс и отправился в детские спальни. Лидс с перерезанным горлом пытался защищать детей, при этом кровь из него буквально хлестала, как это всегда бывает при ранении аорты. Потом убийца его оттолкнул, Лидс упал и умер рядом с дочерью, в ее комнате.

Оба сына Лидсов были найдены мертвыми в своих постелях, но у одного из них в волосах были обнаружены пылинки. Полицейские думали, что, услышав выстрелы, ребенок пытался спрятаться под кроватью, но убийца настиг его и там.

Когда все, кроме миссис Лидс, были мертвы, преступник стал крушить зеркала, выбирая подходящие осколки. Затем он вновь занялся женщиной.

У Грэма при себе были протоколы всех вскрытий, в том числе и миссис Лидс. Там было написано, что пуля вошла в правое подреберье и застряла в позвоночнике, но смерть наступила от удушения.

Повышение уровня серотонина и свободного гистамина в крови убитой давало основание полагать, что смерть насту-

пила по крайней мере через пять минут после ранения. При этом уровень гистамина был значительно выше, чем уровень серотонина, – значит, она не могла прожить более пятнадцати минут. Остальные ранения, нанесенные миссис Лидс, видимо, носили посмертный характер.

Если принять, что остальные ранения были нанесены миссис Лидс после смерти, а после выстрела она прожила как минимум пять минут, то что делал в это время убийца? Наверное, он добивал Лидса, убивал детей, крушил зеркала, но даже и это не могло занять у него больше минуты.

Грэм было важно понять, что именно делал убийца в течение этих пяти минут. Эксперты из полицейского управления Атланты знали свое дело. Они все замеры, сфотографировали, исследовали каждый сантиметр, даже раскручивали «стаканы» под раковинами. Тем не менее Грэм хотел увидеть все сам.

Сверившись с фотографиями места преступления и посмотрев на матрасы, где специальной лентой были отображены контуры тел, Грэм понял, где были найдены трупы. Микроскопические частицы несгоревшего пороха, найденные на постельном белье, показывали, что трупы, обнаруженные полицией, лежали примерно так же, как и в момент выстрелов. Оставалось непонятным, почему на ковре в гостиной было так много пятен и даже каких-то полос, напоминающих следы поскользнувшихся ног. Грэм вспомнил гипотезу одного из полицейских. Якобы одна из жертв пыталась уползти

от убийцы. Но Грэму это казалось маловероятным. Он был уверен, что убийца зачем-то перемещал трупы, а потом возвратил в то положение, в котором они были убиты.

То, что преступник сделал с женщиной, Грэму было понятно. А какая участь постигла остальных? Убийца не обезобразил их, как миссис Лидс. Дети были убиты выстрелом в голову. Чарльз Лидс умер от потери крови. У него на груди была обнаружена поперечная вдавленная полоса, которая, вероятно, появилась после смерти. Что же убийца делал с трупами?

Грэм вынул из папки фотографии, заключения экспертов о лабораторных анализах органических проб, взятых у жертв, таблицы стандартных траекторий падения капель крови. Чтобы мысленно выстроить события в обратном порядке, он поднялся в спальни детей и тщательно осмотрел каждую группу пятен крови, пытаясь понять, где именно была нанесена каждая рана.

Спустившись вниз, он стал наносить каждую группу на план большой спальни, а потом, сверяясь с таблицами, старался определить направление и скорость полета капель и установить таким образом положение трупов в разное время.

Вот группа пятен дугообразно поднимается по стене и огибает угол. На ковре под ними пятна поменьше. В крови были и обои над изголовьем кровати – с той стороны, где лежал муж. Схема в руках Грэма уже напоминала картинку-головоломку «Соедини точки», только у него они не были про-

нумерованы. Он снова и снова переводил взгляд с блокнота на кровавые следы, пока у него не заболела голова.

Грэм пошел в ванную и принял две последние таблетки аспирина, запив их водой, которую набирал в пригоршню из-под крана. Потом он умылся и вытер лицо полой сорочки. Под раковиной растекалась лужа. Грэм забыл, что в поисках улики эксперты сняли «стакан» под раковиной. Все в ванной, за исключением разбитого зеркала и следов красного порошка для снятия отпечатков, прозванного полицейскими «кровь дракона», было как обычно. На полочке аккуратно стояли зубные щетки, баночки с кремом и бритва.

Посмотрев на вещи в ванной комнате, можно было подумать, что Лидсы живы. На сушилке висели колготки. Миссис Лидс не выбрасывала рваные пары, а сшивала из двух одну целую, экономя таким образом деньги. У Грэма защемило сердце: Молли делает так же.

Грэм выбрался через окно второго этажа на крышу террасы и сел на грязную черепицу. Он сидел, обхватив колени руками, влажная рубашка холодила спину. Грэм фыркнул, пытаясь изгнать из себя запах крови.

Ночное небо озаряли огни города. Во Флориде сейчас ясная ночь. Посидеть бы сейчас, как бывало, с Молли и Вилли, глядя в небо и ожидая шипения, с которым, как они договорились, должны по их желанию падать звезды. Тем более сейчас, в самый звездопад.

Грэм снова фыркнул и поежился. Он не хотел сейчас ду-

мать о Молли. Это было бестактно и к тому же отвлекало от того, за чем он пришел.

Вкус Грэму изменял часто; нередко его мысли оказывались далеки от изящества. В его голове отсутствовали надежные переборки, разделяющие возвышенное и низкое. То, что он видел и слышал, немедленно выстраивалось в ассоциативные цепочки с образами, хранящимися в памяти. Иногда предугадать их Грэм был не в силах. Усвоенные им в процессе жизни ценности – целомудрие, стыдливость – безнадежно отставали, не успевая преградить путь ужасным мыслям, чудовищным образом нападающим на него во сне; для сокровенного в его голове просто не находилось убежища. Ассоциации возникали молниеносно, неподвластные нравственным ограничениям, которые просто не могли за ними угнаться.

Собственная психика представлялась ему как нечто groteskное, но полезное, как, например, кресло, сделанное из рогов оленя. Как бы ни хотелось изменить положение вещей, он был бессилён.

Грэм выключил свет в доме Лидсов и вышел через кухню на террасу. Луч фонарика выхватил из темноты велосипед и подстилку для собаки. Во дворе он заметил собачью конуру и миску около ступеней.

Судя по материалам следствия, Лидсы были застигнуты врасплох во время сна.

Прижав фонарик щекой к плечу, Грэм достал блокнот и

записал: «Джек, а что с собакой?»»

Грэм сел в машину и вернулся в гостиницу. Часы показывали полпятого утра, шоссе было почти пустынно. Ему приходилось заставлять себя следить за дорогой. Голова все еще болела. Уилл стал искать ближайшую круглосуточную аптеку.

Он нашел ее на Пичтри-авеню. У входа в аптеку дремал неопрятный охранник. Аптекарь в несвежем халате протянул Грэму упаковку таблеток от головной боли. Яркий свет резал глаза. Грэму никогда не нравились молодые аптекари. Они всегда имели вид самоуверенной посредственности и были, как подозревал Грэм, домашними тиранами.

– Вы еще что-нибудь брать будете? – спросил аптекарь, держа пальцы наготове над клавишами кассового аппарата. – Будете еще что-нибудь брать?

Управление ФБР Атланты заказало Грэму номер в нелепого вида гостинице рядом с только что построенным Пичтри-центром. Грэм вошел в прозрачную кабину лифта, имевшую форму стручка молочая, и сразу ощутил, что находится в городе. Вместе с ним ехали два делегата какой-то конференции с нацепленными на лацканах карточками аккредитации. «Привет!» – было написано на каждой. Пока лифт поднимался, они рассматривали людей сквозь его прозрачные стены и крепко держались за поручень. Тот, который повыше, сказал:

– Ба, гляди-ка! Никак Уилма с ребятами подвалила. Эх, впендюрить бы ей по самое дальше некуда!

– Выдрать, пока кровь носом не пойдет, – подхватил другой.

Страх, животное вожделение и вызванная страхом агрессия.

– Знаешь, чем отличается баба от статуи?

– Чем?

– Статуя сначала падает, а потом ломается, а баба – наоборот.

Двери лифта открылись.

– Приехали, что ли? – удивился тот, что повыше, и, выходя, ударился о дверцу.

– Разуй глаза, обуи ноги, – посоветовал ему приятель.

Войдя в номер, Грэм положил папку с делом на стол, потом подумал и спрятал в ящик, чтобы она не мозолила глаза. На сегодня с него было достаточно мертвецов с широко раскрытыми глазами. Хотелось позвонить Молли, но было слишком рано.

На совещании в полицейском управлении Атланты, которое было назначено на восемь утра, он мало что сможет доложить о результатах осмотра. Грэм постарался заснуть. Голова у него гудела. В сознании раздавалось множество спорящих голосов, а где-то в его закоулках дело дошло до драки.

Грэм чувствовал себя опустошенным. Прежде чем растянуться на кровати, он в каком-то оцепенении выпил полста-

кана виски. Темнота показалась нестерпимой. Он поднялся, зажег в ванной свет и вернулся в постель. Теперь можно думать, будто это Молли там причесывается.

Грэм слышал свой голос, читающий заключение патологоанатома, хотя он никогда не читал этого вслух: «...следы кала оставлены на... на икре правой ноги следы талька. Перелом медиальной стенки глазницы вызван осколком зеркала...»

Грэм попытался представить себе пляж на мысе Шугалауф, шум прибоя, свой верстак и систему стока для водяных часов, которую они делали с Вилли. Он стал вполголоса напевать «Виски-ривер» и даже попробовал прокрутить в голове «Блэк-Маунтин рэг» от начала до конца. Молли нравилась эта музыка. Партия гитары в исполнении Дока Уотсона у него получилась, а вот со скрипками он запутался. Грэм вспомнил, как Молли пыталась научить его отбивать чечетку, подпрыгивая во дворе... Потом он задремал.

Через час Грэм проснулся, все тело затекло, а белье было мокрым от пота. В неясном свете, пробивавшемся из ванной, вырисовывался чей-то силуэт на второй подушке. На ней лежала миссис Лидс, искусанная, нет – истерзанная зубами, с зеркалами вместо глаз, из которых, как дужки очков, стекали по вискам и за уши струйки крови. Грэм не мог заставить себя повернуться к ней лицом. В его голове что-то оглушительно гудело. Он протянул руку и ощутил сухую ткань под пальцами.

Это его немного успокоило, но сердце продолжало бешено колотиться. Он встал и надел сухую футболку, а мокрую бросил в ванну. Грэм не мог заставить себя лечь на сухую сторону кровати. Вместо этого он положил на простыни широкое полотенце, уперся в спинку кровати, взял стакан с виски и сделал большой глоток.

Он судорожно думал, чем бы занять мысли... Аптека, где он покупал лекарство. За весь день это было единственное место, не связанное со смертью.

Он еще помнил старые аптеки, где стояли автоматы с содовой. В детстве ему всегда казалось, что в аптеках живет хитринка: стоило только войти, и мысли тотчас начинали вертеться вокруг презервативов, независимо от того, нужны они были или нет. Там вообще было много всякого, на чем не полагалось задерживать взгляд.

В аптеке, где он был этой ночью, презервативы в разноцветных упаковках были выставлены в специальной витрине прямо за кассой, словно произведения искусства.

Грэму больше нравились старые аптеки времен его детства. Ему стукнуло почти сорок, а он едва только начал чувствовать притягательность прошлого, оно было как якорь, тащившийся по дну во время шторма.

Грэм вспомнил Смута. Смут сочетал обязанности продавца содовой и помощника фармацевта – владельца аптеки – в те времена, когда Грэм был ребенком. Смут пил на работе и однажды, поднабравшись, забыл опустить маркизу, и кеды,

выставленные на витрине, скукожились под солнцем. Как-то он забыл выключить кофеварку, и пришлось вызывать пожарных. Детям Смут мороженое продавал в кредит.

Свой самый знаменитый ляп Смут совершил в отсутствие хозяина, закупив у оптовика целлулоидных пупсов. Вернувшись, тот приказал Смуту не появляться ему на глаза целую неделю. После этого устроили распродажу пупсов. Пятьдесят кукол усадили полукругом в витрине таким образом, что казалось, будто они в упор смотрят на каждого, кто бы ни остановился перед витриной.

Они представляли собой непривычное зрелище, и Грэм подолгу простаивал перед витриной в каком-то оцепенении, чувствуя на себе их пристальный взгляд, хотя и понимая, что это всего лишь куклы. Витрина, словно магнит, притягивала прохожих. Гипсовые головки украшали одинаковые глупые кудряшки, но пятьдесят пар широко раскрытых васильковых глаз вызывали у него мурашки.

Грэм чувствовал, как напряжение отпускает его. Стеклянные глаза... Пристальный взгляд... Он взял стакан, отпил, поперхнулся и закашлялся. Грэм зажег ночник и вытащил из ящика папку с делом, потом взял протоколы вскрытия детей Лидсов и масштабный, с его пометками, план комнаты, где произошло убийство, и разложил все на кровати.

Вот три пятна, тянущиеся вверх по стене в углу спальни, а вот три соответствующих им пятна на ковре. Вот антропометрические данные всех троих детей. Брат, сестра, старший

брат. Так. Так. Так. Все так!

Все трое сидели у стены лицом к кровати. Зрители. Мертвые зрители. И Лидс, привязанный к спинке кровати веревкой, пропущенной под мышками так, что казалось, он полусидит в постели. Вот откуда вдавленная полоса на его теле, вот откуда кровь над кроватью. На что же они смотрели? Ни на что. Они были мертвы. Но глаза их были открыты. Они смотрели представление с участием маньяка и мертвой миссис Лидс, разыгрывающееся перед мистером Лидсом, сидящим на кровати. Зрители. Маньяк то и дело оглядывался на их лица.

Интересно, зажигал ли он свечу? Блики света, играющие на мертвых лицах, вполне могли бы сойти за живую мимику. Но свечу не нашли. Может, он в следующий раз до этого додумается?

Первая ниточка, соединяющая его с убийцей, принесла с собой беспокойство и сосущую боль. Покусывая кончик простыни, Грэм продолжал размышлять.

«Почему ты снова передвинул их? Почему не оставил так, как они лежали? – спрашивал себя Грэм. – Ты что-то от меня прячешь. Ба, да ты чего-то стыдился? Или просто знаешь, что, если я узнаю, тебе конец?»

Это ты открывал им глаза?

Миссис Лидс была прекрасна, правда? Ты перерезал ему горло и включил свет, чтобы миссис Лидс увидела, как он захлебывается? Ласкать такую женщину в перчатках... С ума

сойти».

«На ее ноге нашли тальк. В ванной талька не было...» – раздался чей-то ровный голос. Почудилось...

«Значит, ты снимал перчатки? Тальк просыпался, когда ты стягивал резиновую перчатку, чтобы погладить миссис Лидс, ТАК, СУКИН ТЫ СЫН? Ты гладил ее голыми руками, снова надел перчатки и вытер свои отпечатки с ее тела. Но когда ты открывал им глаза, на тебе ведь не было перчаток?»

Джек Крофорд поднял трубку после пятого звонка. Ему часто звонили по ночам, поэтому лишних вопросов он не задавал.

– Джек, это Уилл.

– Слушаю, Уилл.

– Прайс по-прежнему в отделе дактилоскопии?

– Да, но он почти не выезжает. Занимается картотекой единичных отпечатков.

– Нужно, чтобы он приехал в Атланту.

– Для чего? Ты ведь сам говорил, что дактилоскопист в Атланте тебя вполне устраивает.

– Устраивает. Но Прайс лучше.

– Зачем он тебе? Думаешь, где-то еще остались пальчики?

– Нужно посмотреть ногти женщины. На руках и на ногах. Они покрыты лаком, это идеальная поверхность. И потом, роговицы глаз у остальных. Мне кажется, он снимал перчатки.

– Черт возьми, Прайсу придется поторопиться, – пробормотал Крофорд. – Похороны сегодня днем.

3

– Я считаю, он все-таки трогал ее, – с порога начал Грэм.

Крофорд протянул ему банку кока-колы, извлеченную из автомата в полицейском департаменте Атланты. Было 7.50 утра.

– Конечно, он же перетаскивал ее с места на место, – согласился Крофорд. – Под коленями и на запястьях синяки. Но все отпечатки в доме оставлены гладкими перчатками. Да ты не волнуйся, приехал Прайс. Ну и ворчливый же он. Уехал в похоронное бюро. Тела забрали из морга вчера вечером, но в похоронном бюро еще не начинали. Ты что такой смурной, не выспался?

– Вздремнул с часок... Ты знаешь, он прикасался к ней голыми руками.

– Хотелось бы надеяться. Хотя дактилоскописты клянутся, что он не снимал резиновых, ну вроде хирургических, перчаток. На осколках те же гладкие отпечатки. На том, что был вставлен в малые половые губы, – указательный палец на темной стороне, смазанный большой – на зеркальной.

– Он его протер после того, как вставил. Скорее всего, чтобы полюбоваться своим изображением, – сказал Грэм.

– На осколке во рту следы крови. В глазах – то же самое. Нет, перчаток он не снимал, Уилл.

– Миссис Лидс была красивой женщиной, – сказал Грэм. –

Ты ведь видел ее фотографии? Так вот, мне бы захотелось погладить ее... ну... в интимной обстановке, а тебе?

– В интимной?

В голосе Крофорда послышалось отвращение. Поняв это, он смутился и сделал вид, что ищет по карманам платок.

– Конечно. Ведь они были наедине. Все остальные мертвы. Он, правда, мог открыть или закрыть им глаза – это уж как ему хотелось.

– Как ему хотелось, – повторил Крофорд. – Когда искали отпечатки, изучили каждый квадратный сантиметр ее кожи. И ничего. Нашли только след от руки на шее.

– Кстати, в отчете ничего не говорится об отпечатках на ногтях.

– Ногти, наверное, уже не годятся – все смазали, когда искали под ногтями. Там нашли только ее эпидермис. Убийцу она не царапала.

– У нее были красивые ноги, – задумчиво сказал Грэм.

– Да уж, – буркнул Крофорд и поднялся. – Ну что, пойдём наверх. Войско, наверное, уже в сборе.

Джимми Прайс привез с собой массу оборудования: два тяжелых чемодана, фотоаппарат в футляре и штатив. Грохот, который он произвел, входя в дверь похоронного бюро Ломбарда, был устрашающим. Прайс был болезненного вида старик, и долгая поездка в такси из аэропорта по забитым машинами утренним улицам отнюдь не улучшила его настро-

ение.

Назойливо услужливый молодой человек с аккуратной прической провел его в кабинет, отделанный в пастельных тонах. На письменном столе не было ничего, кроме статуэтки под названием «Руки молящегося».

Когда на пороге появился сам мистер Ломбард, Прайс изучал кончики пальцев молящихся рук. Ломбард придирчиво проверил его удостоверение.

– Мистер Прайс, мне уже позвонили из вашего отдела, или агентства, или как там еще. Но видите ли, вчера вечером нам пришлось вызывать полицию из-за одного невыносимого типа, пытавшегося сделать фотографии для «Нэшнл тэтлер», поэтому я так осторожен. Думаю, вы понимаете меня. Итак, тела мы получили сегодня в час ночи, похороны сегодня же в пять часов вечера. Откладывать, сами понимаете, нельзя.

– Это не займет много времени, – заверил его Прайс. – Мне нужен один толковый помощник, если таковой у вас имеется. Кстати, вы прикасались к телам, мистер Ломбард?

– Нет.

– Тогда, пожалуйста, выясните, кто их касался. Нужно будет у всех взять отпечатки.

На утреннем совещании по делу Лидсов говорили главным образом о зубах.

Начальник следственного отдела полиции Атланты Р. Д. Спрингфилд, кряжистый мужчина в рубашке без пиджака,

стоял у дверей вместе с доктором Домиником Принси, ожидая, пока все двадцать три детектива соберутся в дежурной комнате.

– Ну что ж, ребятки, давайте улыбнемся, раз уж мы здесь все вместе, – зычно начал он, – покажем доктору Принси наши зубки. Так, отлично, улыбочку пошире. Ну и язычище у тебя, Спаркс. Как, зубам не тесно?

Огромный рисунок передних зубов, верхних и нижних, был вывешен на доске объявлений у входа в дежурку. Он сразу же напомнил Грэму оскал пластмассовой маски из тыквы в виде фонаря. Детективы расположились за школьными столами, Грэм и Крофорд пристроились сзади.

Комиссар общественной безопасности Атланты Гилберт Льюис с начальником пресс-службы полицейского управления заняли места отдельно, на раскладных стульях. Через час Льюису нужно было присутствовать на пресс-конференции.

Слово взял Спрингфилд:

– Итак, начнем. Потихе там, сзади, когда начальник говорит. Если вы читали оперативные отчеты, то поняли, что мы топчемся на месте. Опрос соседей будем продолжать. Расширяем радиус от места преступления еще на четыре квартала. Отдел картотеки и архивов выделил нам двух человек. Посадим их сверять заказы на авиабилеты с журналами проката автомобилей в Бирмингеме и Атланте. Теперь аэропорт и отели. Сегодня опять туда поедете. Да-да, опять, не ослы-

шались. Отловить и допросить каждую горничную, каждого администратора. Ему нужно было где-то помыться. Возможно, остались следы. Если что-то найдете, из номера всех выставить, опечатайте его и быстро звоните в прачечную. А сейчас мы вам кое-что покажем. Доктор Принси, вы готовы?

Доктор Доминик Принси, главный медицинский эксперт округа Фултон, поднялся и встал рядом с рисунком. В руках он держал слепок зубов.

– Посмотрите, вот так выглядят зубы подозреваемого. Специалисты Смитсоновского института в Вашингтоне воссоздали их по следам укусов на теле миссис Лидс и по четкому надкусу на куске сыра, найденном в холодильнике Лидсов, – начал Принси. – Как видите, латеральные резцы у него неправильной формы – так называемые собачьи зубы, вот они. – Принси указал на слепок и рисунок. – Зубы образуют неправильную линию, вот у этого резца отколот кусочек. У другого – выемка вот здесь. Похож на «зарубку портного», которая появляется от постоянного перекусывания ниток.

– Кривоzubый, сукин сын, – вставил кто-то вполголоса.

– А вы уверены, что именно преступник кусал сыр, док? – спросил высокий детектив с переднего ряда.

Принси не нравилось, когда его называли «док», но он не подал виду.

– Слюна, оставленная на сыре и на телах жертв, соответствует группе крови преступника, – разъяснил он. – Зубы и группа крови ни одной из жертв не подходят.

– Хорошо, доктор, – проговорил Спрингфилд. – Мы разошлем фотографии зубов.

– Может, дать об этом материал в газеты? – предложил начальник полицейской пресс-службы Симпкинс. – Что-то вроде: «Не встречались ли вам такие зубы?»

– Почему бы и нет? – отозвался Спрингфилд. – А вы как думаете, комиссар?

Льюис кивнул.

Но Симпкинс еще не закончил.

– Доктор Принси, журналисты непременно поинтересуются: почему на реконструкцию зубов преступника ушло целых четыре дня? И зачем это нужно было делать в Вашингтоне?

Крофорд внимательно изучал кнопку на своей шариковой ручке. Принси вспыхнул, но голос его оставался спокойным.

– Дело в том, что, когда тело передвигают, следы укусов мягких тканей имеют свойство видоизменяться, мистер Симпсон, и...

– Симпкинс.

– Да-да, Симпкинс. К тому же следы укусов на телах жертв не давали полной картины. Другое дело – сыр. Он имеет более твердую структуру, но с него сложно брать слепки. Прежде всего его необходимо обработать жиром, чтобы не допустить увлажнения этой своеобразной формы для литья. Эксперты Смитсоновского института уже делали такие вещи для криминалистической лаборатории ФБР. Они луч-

ше оснащены для такой экспертизы, как снятие угла лицевого изгиба, и имеют анатомический артикулятор. Имеют и судмедэксперта-одонтолога. Мы, к сожалению, ничем подобным не располагаем. Надеюсь, я ответил на ваш вопрос?

– Значит, по правде говоря, задержка произошла по вине лаборатории ФБР, а не по вашей?

Принси накинулся на него:

– По правде говоря, мистер Симпкинс, именно Крофорд два дня назад обнаружил в холодильнике этот сыр – уже после того, как ваши люди обследовали место преступления. И именно он по моей просьбе ускорил работу вашингтонских экспертов. И по правде говоря, я с облегчением узнал, что сыр откусил не один из ваших людей.

В спор громогласно вмешался комиссар Льюис:

– Никто не сомневается в правильности вашего решения, доктор Принси. Нам, Симпкинс, только склоки с ФБР не хватало. Давайте продолжим.

– Конечно, все мы делаем общее дело, – поддержал Спрингфилд. – Джек, ваши ребята что-нибудь добавят?

Надо было ответить. Смотревшие на Крофорда отнюдь не излучали дружелюбия. Нужно было как-то исправлять положение.

– Хочу лишь прояснить ситуацию. Вплоть до недавнего времени самым важным было первыми подоспеть с наручниками. Каждая сторона – и ФБР, и местная полиция – тянула одеяло на себя. Между нами пролегла трещина, че-

рез которую ускользали преступники. Сейчас же в Бюро такая политика непопулярна, и у меня тоже. Честно говоря, и мне, и следователю Грэму плевать, кому будет принадлежать честь произвести арест. Кому интересно – следователь Грэм сидит сзади. Да что там говорить: если человека, которого мы ищем, завтра переедет мусоровоз, я буду счастлив, потому что он больше не сможет выйти на охоту. Думаю, присутствующие со мной согласны.

Крофорд оглядел детективов в надежде, что те поняли и теперь с ними можно будет работать как надо – одной командой. К нему обратился комиссар Льюис:

– По-моему, следователь Грэм уже вел такие дела?

– Да, сэр.

– Можете вы что-нибудь добавить или предложить, мистер Грэм?

Крофорд, прищурившись, посмотрел на Грэма.

– Прошу вас сюда, – пригласил Спрингфилд.

Грэм предпочел бы общаться со Спрингфилдом наедине. Говорить перед всеми ему не хотелось. Но он все-таки подошел.

Весь взъерошенный, до черноты загорелый, Грэм мало походил на следователя. Он больше смахивал на маляра, явившегося в выходном костюме в суд.

Детективы заерзали на стульях.

Грэм повернулся лицом к аудитории, и на его бронзовом лице блеснули льдисто-голубые глаза.

– Я коротко, – начал он. – Вряд ли мы имеем дело с бывшим пациентом психбольницы или кем-то, кто привлекался за развратные действия. Скорее всего, он вообще не проходит по нашей картотеке. А если и проходит, то за незаконное проникновение со взломом. Не исключено, что он уже кого-то кусал во время совершения преступлений – драки в барах, жестокое обращение с детьми. Можно обратиться к сотрудникам «Скорой помощи» или в детские благотворительные организации и проверить все факты нанесения более или менее серьезных укусов, которые они смогут припомнить, независимо от того, кого укусили и при каких обстоятельствах. Вот, собственно, и все.

Высокий детектив с переднего ряда поднял руку и сразу же спросил:

– Пока он кусал только женщин, так?

– Насколько мы знаем, да. Шесть серьезных укусов на теле миссис Лидс, восемь – у миссис Джейкоби. Намного выше нормы.

– Какой еще нормы?

– Три укуса – норма для убийств на сексуальной почве.

Он любит кусать.

– Женщин.

– Обычно при сексуальных нападениях в центре укуса имеется синевато-багровый кровоподтек – след засоса. В нашем случае его нет. Доктор Принси отмечал это в протоколах вскрытия, да и я сам осматривал труп в морге – никаких

кровоподтеков. Так что для него укус может быть как сексуальным поведением, так и способом нанесения телесных повреждений.

– Негусто, – сказал детектив.

– Все нужно проверить, – продолжал Грэм. – Каждый укус. Люди такие вещи, как правило, скрывают. Родители укушенного ребенка скажут, что на него бросилась собака, даже будут делать ребенку уколы от бешенства, лишь бы скрыть любителя кусаться в семье. Да вы и сами это знаете. Следует выяснить в больницах, кому делали прививки от бешенства. Вот, пожалуй, и все.

Сев на место, Грэм почувствовал, как от напряжения дрожат мышцы ног.

– Раз надо, значит, проверим, – сказал шеф полиции Спрингфилд. – Пойдем дальше. Отдел краж вместе с отделом поджогов займутся собакой. Почитайте материалы дела, там есть фотография пса. Необходимо установить, не крутился ли кто-нибудь возле собаки. Отдел борьбы с проституцией и наркотиками. После дневного обхода проверьте бары, где собираются наркоманы и рокеры. Маркус и Уитман – на похороны. Берите родственников, друзей – своих и жены, – пусть тоже придут и наблюдают. Так. С фотографами договорились? Прекрасно. Сдадите список присутствующих на похоронах в нашу картотеку. У них уже есть подобный из Бирмингема. Остальные работают по плану. Вперед.

– Одну минуту, – подал голос комиссар Льюис, и вско-

чившие было детективы снова опустились на стулья. – Я слышал, как некоторые из здесь присутствующих называли убийцу Зубастиком. Так вот, мне все равно, как вы называете его между собой, в конце концов, его ведь нужно как-то называть. Но не дай бог кому-нибудь из вас назвать его так при посторонних. Имя для убийцы несерьезное и звучит как-то кощунственно. Попрошу также не упоминать эту кличку в отчетах и других документах. Теперь все.

Крофорд и Грэм проследовали за Спрингфилдом в его кабинет. Пока тот наливал им кофе, Крофорд названивал по телефону, отдавая бесконечные распоряжения.

– Вчера так и не нашлось времени поговорить с вами, – обратился Спрингфилд к Грэму. – У нас тут сумасшедший дом. Вас ведь Уилл зовут, верно? Кстати, мои ребята дали вам все, что вы просили?

– Да, все в порядке, спасибо им большое.

– Фирма веников не вяжет, – пряча улыбку, сказал Спрингфилд. – Да, мы тут попытались воссоздать его фигуру и походку по следам на клумбе. Кусты он обходил, поэтому мы смогли определить только размер обуви и приблизительный рост. След левой ноги немного глубже, видимо, что-то нес. Да, муторная работа. Как-то пару лет назад мы брали одного грабителя с болезнью Паркинсона, имея только особенность походки. Его тогда Принси вычислил. А сейчас вообще никакой зацепки.

– Зато у вас хорошая команда, – сказал Грэм.

– Так-то оно так, но с подобными вещами мы еще не сталкивались, слава богу. Вот хочу спросить вас. Вы все время работаете вместе? Я имею в виду вас, Джека и доктора Блума. Или собираетесь по таким вот случаям?

– Только по таким вот случаям.

– Типа сборной, да? Комиссар говорил, это вы три года назад взяли Лектера?

– Мы работали вместе с полицией штата Мэриленд, – ответил Грэм. – Его арестовали тамошние полицейские.

Грубоватый на вид Спрингфилд был отнюдь не глуп. Заметив, что Грэм чувствует себя неловко, он крутанулся на стуле и взял со стола какие-то бумаги.

– Вы спрашивали о собаке. Вот, есть такая информация. Пройшей ночью местный ветеринар позвонил брату Лидса. Собака у него. Лидс со своим старшим сыном привез ее к ветеринару за день до того, как их убили. У нее была колотая рана на животе. Ветеринар сделал операцию, и сейчас с собакой все в порядке. Вначале он подумал, что рана огнестрельная, но не нашел пули. Он считает, что пса пырнули чем-то острым вроде шила. Сейчас мы опрашиваем соседей, может, кто-то видел, как чужой дразнил собаку, и обзваниваем всех ветеринаров в округе, выясняем, не было ли похожих увечий животных.

– На собаке был ошейник с именем хозяев?

– Нет.

– А у Джейкоби в Бирмингеме была собака?

– Мы это как раз выясняем, – сказал Спрингфилд. – Одну минуту. Сейчас проверю. – Он набрал внутренний номер. – Лейтенант Флетт, связь с Бирмингемом... Да-да. Флетт. Что там у нас насчет собаки этих Джейкоби? Так... так... Подожди минутку. – Он прикрыл трубку ладонью. – Никакой собаки у них не было. В ванной нашли коробку с кошачьим пометом. Но самого кота нет. Соседи предупреждены. Если увидят – позвонят.

– Попросите Бирмингем проверить вокруг дома, во дворе и за хозяйственными постройками, – быстро проговорил Грэм. – Если с котом что-то случилось, дети могли похоронить его или вообще не найти. Знаете, ведь коты перед смертью уходят из дома, в отличие от собак. Кстати, был ли у кота ошейник?

– Спроси, не нужен ли им прибор для обнаружения метана. У нас есть, – подключился Крофорд. – Не придется все перекапывать.

Не успел Спрингфилд положить трубку, как телефон сразу же зазвонил. Из похоронного бюро звонил Джимми Прайс и спрашивал Крофорда. Тот снял трубку параллельного аппарата.

– Алло, Джек, я кое-что нашел. Видимо, большой палец – не полностью – и фрагмент ладони.

– Джимми, что бы мы без тебя делали!

– На том свете сочтемся угольками... Поехали дальше, палец с папиллярными линиями, но смазанный. Вернусь – по-

смотрю, что с ним можно сделать. Снял его с левого глаза старшего ребенка. В жизни такого не делал. Да я бы и сейчас ничего не заметил, но там как раз большая гематома от стреляной раны, и на ее фоне...

– Идентифицировать сможешь?

– Чертовски сложно, Джек. Если он есть у меня в компьютере, тогда может быть... Это как в лотерее, ты же знаешь. А ладошку снял с ногтя большого пальца миссис Лидс. Подойдет только для сравнения. Если шесть точек наберется, считай, что повезло. Понятыми были помощник начальника горотдела ФБР и Ломбард. Ломбард – нотариус. Снимки я сделал. Что-нибудь еще?

– А как там с отпечатками служащих похоронного бюро?

– Измазал чернилами Ломбарда и всю его веселую команду. Снял отпечатки со всех, даже тех, кто божился, что ничего не трогал. Клянусь сейчас меня на чем свет стоит и отмывают свои руки. С твоего позволения, Джек, я возвращаюсь домой. Хочу поработать со всем этим в своей собственной лаборатории. Кто знает, что здесь за вода, а вдруг в ней черепаха попадет. Я еще успею на вашингтонский самолет через час и сразу после обеда перешлю тебе отпечатки по факсу.

Крофорд на секунду задумался.

– Хорошо, Джимми, только поторапливайся. Отправишь копии в управления полиции Бирмингема и Атланты и во все отделения ФБР.

– Сделаем в лучшем виде. А теперь надо обсудить еще один вопрос.

Крофорд манерно закатил глаза:

– Провалиться мне на этом месте – тебе хочется получить гонорар.

– Так точно.

– Джимми, дорогой, сегодня – все, что угодно.

Глядя в окно, Грэм молча выслушал рассказ Крофорда об отпечатках.

– Вот это да, – только и смог проговорить Спрингфилд.

Лицо Грэма ничего не выражало. «Как у заключенного с пожизненным сроком», – подумал Спрингфилд.

Когда Крофорд и Грэм вышли из кабинета Спрингфилда, проходившая в фойе пресс-конференция комиссара полиции и представителей прессы уже близилась к завершению. Газетчики направлялись к телефонам. Телерепортеры делали так называемые вставки, стоя перед камерами и задавая лучшие вопросы, которые были услышаны ими во время пресс-конференции, направляя микрофоны для ответа в пустое пространство. Позже лишнее будет вырезано, а материалы подгонят и смонтируют в единый сюжет.

Крофорд и Грэм уже спускались по центральной лестнице, когда от толпы журналистов вдруг отделился маленький человечек и кинулся к ним, быстро щелкая на ходу фотоаппаратом.

– Уилл Грэм! – закричал он. – Вы меня не помните? Фредди Лаундс. Я освещал дело Лектера в «Тэтлер». И книжку выпустил.

– Помню, – сказал Грэм, продолжая вместе с Крофордом двигаться вниз по лестнице.

Но Лаундс не отставал:

– Когда вы включились в расследование, Уилл? Удалось узнать что-нибудь новенькое?

– Я не желаю разговаривать с вами, Лаундс.

– Можно ли сравнивать нынешнего убийцу с Лектером? Как он их...

– Послушайте, Лаундс! – рявкнул Грэм, и Крофорд быстро встал между ними. – От ваших лживых статей дерьмом несет, а ваша «Нэшнл тэтлер» годится только на подтирку. Убирайтесь!

Крофорд сжал Грэму локоть.

– Убирайтесь, Лаундс. Да поживее. Уилл, нам надо перекусить. Пошли, пошли.

Они скрылись за углом.

– Прости, Джек. Видеть не могу этого негодяя. Он приходил ко мне, когда я лежал в больнице. Пришел и...

– Знаю, – перебил Крофорд. – Я тогда еще здорово наорал на него, да, видно, все без толку.

Крофорд вспомнил фотографию, опубликованную в «Нэшнл тэтлер», когда следствие по делу Лектера уже завершилось. Лаундс пробрался в палату Грэма, когда тот спал,

сдернул простыню и сфотографировал дренажную трубку, выходящую у него из живота. Газета напечатала снимок подретушированным, с черным квадратом в паху. Заголовок гласил: «Маньяк выпотрошил фараона».

В закуской было светло и чисто. У Грэма дрожали руки, и он пролил кофе на блюде. Он обратил внимание, что дым сигареты Крофорда нервирует парочку, в благоговейном молчании поглощавшую пищу в соседней кабинке, и мешает нормальному процессу пищеварения. Их раздражение висело в воздухе, смешиваясь с дымом. За столиком у самой двери ругались две женщины, очевидно мать и дочь. Тихие голоса, отвратительные гримасы гнева. Грэм кожей почувствовал исходящие от них волны злобы.

Крофорд был раздражен. Утром ему предстояло давать показания на суде в Вашингтоне, и он боялся, что это может затянуться на несколько дней. Прикуривая новую сигарету, он озабоченно взглянул сквозь пламя на руки и лицо Грэма.

– В Атланте и Бирмингеме теперь смогут сличить отпечаток большого пальца с отпечатками уже известных им сексуальных маньяков, – наконец проговорил Крофорд. – Мы тоже. А Прайсу уже приходилось отыскивать преступника по отпечатку одного пальца. Он просто заложит его в свою программу... «Искатель», что ли...

«Искатель» – компьютеризированное устройство для считывания и анализа отпечатков пальцев – мог идентифицировать введенный в него единственный отпечаток пальца.

– Когда мы его возьмем, этот отпечаток и следы зубов наверняка обеспечат приговор в суде.

– Сейчас нам надо постараться вычислить, что он собой представляет. В самом общем виде. Вот смотри. Допустим, он арестован. Тыходишь в камеру. Ты на него смотришь и говоришь себе: «Так я и думал!»

– Черт его знает, Джек. Я пока не вижу его лица. И вообще, мы, по-моему, ерундой занимаемся и только зря теряем время. Кстати, ты с Блумом говорил?

– Звонил вчера вечером. Он сомневается, что у убийцы склонность к суициду. Гаймлих того же мнения. Блум приехал ненадолго в первый день, он сейчас принимает экзамены у аспирантов. И у него, и у Гаймлиха есть копии дела. Кстати, Блум передавал тебе привет. У тебя есть его чикагский телефон?

– Есть.

Грэму нравился доктор Алан Блум, маленький круглый человек с печальными глазами, прекрасный судебный психиатр, наверное, даже лучший. Грэм ценил, что доктор Блум никоим образом не проявлял к нему своего профессионального интереса. На такое способен далеко не каждый психиатр.

– Блум говорит, что вряд ли удивится, если этот Зубастик оставил нам какое-нибудь послание. Он вполне мог нацарапать нам записку.

– Да, на стене в спальне.

– Блум думает, что это может быть урод или человек, считающий себя уродом. Но советует не придавать этому особого значения. «Я бы не стал охотиться за соломенным чучелом. Это может помешать работе и отвлечь внимание» – вот так он сказал. Он говорит, что так изъясняться он научился у аспирантов.

– Он прав, – согласился Грэм.

– Ты уже что-то в нем понял, иначе бы не нашел этот отпечаток? – спросил Крофорд.

– Да нет же, просто на этой проклятой стене был след, Джек. Не нужно приписывать мне все подряд. И ради всего святого, не жди от меня чудес, договорились?

– Мы все равно возьмем его. Ты ведь знаешь, что мы возьмем его.

– Возьмем. Так или иначе.

– Что ты имеешь в виду, говоря «так»?

– Ну, найдем улику, которую вначале проглядели.

– А «иначе»?

– Он будет заниматься этим снова и снова, пока однажды не наделает слишком много шума, забираясь в окно, и муж не схватится вовремя за ружье.

– А других возможностей нет?

– Ты, наверное, думаешь, что я смогу узнать его в толпе? Нет, Джек. Я не волшебник. Зубастик будет выходить на свою охоту еще и еще, пока мы его не вычислим или пока нам просто не повезет. Ему уже не остановиться.

– Почему?

– Потому что он узнал вкус всего этого.

– Смотри, все-таки ты кое-что знаешь о нем, – сказал Крофорд.

Грэм не ответил. Они вышли наружу и медленно двинулись по тротуару.

– Подожди следующего полнолуния, – произнес он наконец. – А там скажешь, много ли я знаю.

Грэм вернулся в отель и проспал два с половиной часа. Проснувшись в полдень, он принял душ и заказал кофе с бутербродами. Пришло время поближе познакомиться с присланным из Бирмингема делом Джейкоби. Грэм протер очки, уселся возле окна и раскрыл папку. Первые несколько минут он вздрагивал при каждом доносящемся до него звуке – будь то шаги в коридоре или стук двери лифта вдалеке. Но вскоре полностью погрузился в чтение.

Официант с подносом стучал, ждал, снова стучал и снова ждал. Наконец он оставил поднос под дверью и сам подписал чек.

4

Хойт Льюис, контролер электрокомпании Джорджии, остановил свой грузовичок под большим деревом в тихом переулке и, достав коробку с завтраком, блаженно откинулся на сиденье. Правда, открыл он коробку без особой радости, так как собирать ее приходилось теперь самому. Никаких записок, никаких шоколадок от жены.

Льюис уже почти расправился с бутербродом, как вдруг громкий крик над самым ухом заставил его вздрогнуть.

– Это что же, опять у меня на тысячу долларов нагорело?

Льюис обернулся и увидел в окне красное лицо Х. Г. Парсонса. Парсонс был одет в шорты и сжимал в руках метлу.

– Простите, не понял.

– Вы что, хотите сказать, что я опять нажег электричества на целую тысячу? Теперь поняли?

– Не знаю, на сколько вы там нажгли, мистер Парсонс, потому что еще не смотрел ваш счетчик. А когда я сниму с него показания, то запишу их вот на этом листе бумаги.

Парсонс постоянно возмущался астрономической суммой счетов. Он уже не раз жаловался в компанию, считая, что ему установили неправильный тариф.

– Да я каждый киловатт считаю! – возмущался Парсонс. – Я еще в Комиссию по коммунальному обслуживанию населения пойду!

– Хотите, пойдём сейчас вместе и посмотрим, сколько у вас накрутило?

– Я и без вас знаю, как снимать показания счетчика. Думаю, вы бы тоже смогли научиться, если бы захотели.

– Ну-ка, ну-ка, погодите, – вылезая из машины, произнес Льюис. – Вы что, забыли, как в прошлом году магнит на счетчик положили? Ваша жена плакалась тогда, что вы в больнице, поэтому я просто вытащил его оттуда и ни слова никому не сказал. Но когда вы залили в счетчик патоку, я просто обязан был доложить об этом начальству. И как только дело запахло судом, вы сразу все заплатили. Если хотите знать, у вас столько накручивать стало, когда вы сами проводку поменяли. Ведь говорил вам сто раз: у вас где-то в доме утечка электроэнергии. А вы что, наняли электрика, чтобы ее найти? Нет, вместо этого вы позвонили в контору и пожаловались на меня. Да вы меня просто достали, понимаете, достали! – Льюис побелел от злости.

– Ты это... того... не больно-то... Тоже мне, честный нашелся! – огрызнулся Парсонс, пятясь боком к своему двору. – Вас и самого проверяют. Видел я, видел, как после вас счетчики проверяют. Так что скоро вы будете отсиживать с восьми до пяти на рабочем месте, как все нормальные люди! – прокричал он уже из-за калитки.

Стиснув зубы, Льюис завел грузовик и двинулся по переулку. Доедать завтрак придется в другом месте. А жаль. Под этим большим тенистым деревом он завтракал каждый день

вот уже несколько лет.

Дерево росло прямо за домом Чарльза Лидса.

В пять тридцать вечера Хойт Льюис забрался в собственный автомобиль и отправился в «Седьмое небо», где он прощипал себе мозги при помощи виски с пивным прицепом.

Он позвонил жене, превратившейся для него сейчас в чужую женщину, но единственная фраза, которая пришла ему на ум, была:

– Я так хочу, чтоб ты снова собирала мне завтрак в дорогу.

– Раньше нужно было думать об этом, мистер Умник, – ответила она и бросила трубку.

Льюис сыграл унылую партию в шафлборд³ с монтерами и диспетчером электрокомпании, потом стал разглядывать посетителей бара. Чертовы служащие аэропорта. Что-то зачастили они в «Седьмое небо». И все, как один, с какими-то усиками дурацкими и печатками на мизинцах. Скоро, чего доброго, начнут играть в дартс, как англичане. Да, наступили времена, расслабиться негде.

– Эй, Хойт, дернем по пивку, – раздался за спиной голос Билли Микса, его начальника.

– А, Билли. Мне как раз нужно с тобой поговорить.

– Что случилось?

³ Настольная игра типа бильярда, с той разницей, что вместо шаров используются фишки, которые игроки стараются продвинуть на пронумерованные квадраты при помощи кия.

– Помнишь эту старую сволочь Парсонса, который постоянно обрывает нам телефон?

– Еще бы, последний раз, помнится, он вынимал из меня кишки на прошлой неделе. Опять что-то не так?

– Он сказал, что кто-то ездил вместо меня по моему маршруту. Как будто проверял мою работу. Надеюсь, ты не думаешь, что я снимаю показания счетчиков, не выходя из собственного дома?

– Нет, конечно.

– Знаешь, просто я считаю, что если уж меня занесли в черный список, то можно было сказать мне об этом прямо.

– Думаешь, если бы ты был у меня в черном списке, я бы постеснялся сказать тебе об этом?

– Да нет.

– Тогда успокойся. Если бы кто-то проверял твой маршрут, я был бы в курсе. Администрация всегда ставится в известность. Так что никто не ездил по твоему маршруту, Хойт. И не обращай внимания на этого Парсонса. В конце концов, он всего лишь злобный старикашка. Так вот, помню, позвонил он мне на прошлой неделе и прошамкал: «Поздравляю, наконец-то вы разобрались, что за тип этот ваш Хойт Льюис». Я не успел трубку положить, как уже забыл про него.

– Нужно было бы подать на него в суд за то, что он тогда со счетчиком сделал, – буркнул Льюис. – Представляешь, только остановился сегодня в переулке перекусить, так он на ме-

ня как накинется! Ну дождется он у меня когда-нибудь!

– Когда я ездил по маршруту, тоже, бывало, любил останавливаться на завтрак в этом переулке, – начал вспоминать Микс. – Слушай, Хойт, однажды я видел миссис Лидс! Конечно, сейчас вроде как неудобно про это говорить, но пару раз она загорала на заднем дворе в тако-ом купальнике! Да, фигура у нее была – что надо!

– Не знаешь, поймали уже кого-нибудь?

– Не-а.

– Жаль, конечно, этих Лидсов. Нет чтобы ему в соседний дом залезть, к Парсонсу, – вздохнул Льюис.

– Я тебе вот что скажу. Я своей бабе никогда не разрешаю загорать во дворе в купальнике. Она мне говорит: «Дурак ты, Билли, кто ж на меня захочет смотреть, кроме тебя?» А я ей: «Знаешь, дорогая, ты и моргнуть не успеешь, как какой-нибудь недоносок перепрыгнет через забор со срамотой наружу». Полиция с тобой уже беседовала? Я имею в виду, спрашивала, не видел ли ты кого?

– Да они уже, наверное, расспросили всех, кто ходит по этой улице. Почтальонов там, ну и вообще всех подряд. Но я всю ту неделю до сегодняшнего дня работал в Лавровой роще на той стороне Бетти-Джейн-драйв. – Льюис ковырнул этикетку на бутылке с пивом. – Так, говоришь, звонил тебе Парсонс.

– Будь он неладен.

– Тогда и вправду он мог видеть того, кто снимал показа-

ния с его счетчика. Я-то, грешным делом, подумал, что это он с ходу придумал, чтобы позлить меня. Если ты никого не посылал, а меня там в этот день не было...

– Может, телефонщики из «Саутистерн белл» что-нибудь проверяли?

– Черт его знает.

– Хотя нет. У них там нет линии.

– Думаешь, стоит позвонить в полицию?

– Да не помешало бы, – нахмурившись, ответил Микс.

– Вот Парсонс наложит полные штаны, когда к нему с сиренами подъедут.

5

Вечером Грэм снова отправился в дом Лидсов. Вошел через главный вход, стараясь не обращать внимания на страшные следы, оставленные убийцей. Он уже видел фотографии места преступления, видел кровь и изрезанную плоть. Он знал многое о них, мертвых. Сегодня он должен был попробовать представить себе их живыми.

Вначале общий осмотр. В гараже стояли выдавший виды, но ухоженный катер, водные лыжи, огромная пятидверная машина с вместительным багажником, а также клюшки для гольфа. Мотоцикл с толстыми колесами для езды по бездорожью. Набор электроинструментов. Ими почти не пользовались. Игрушки для взрослого.

Грэм вынул битку из сумки для гольфа и замахнулся, имитируя удар. Ручка оказалась слишком длинной. Из сумки пахло кожей, когда он прислонял ее к стене. Вещи Чарльза Лидса.

Грэм попытался пройти за хозяином по всему дому. В кабинете висели гравюры с охотничьими сюжетами. На полках стояли рядами сочинения классиков. Ежегодники Сивани. Х. Аллен Смит, Перельман и Макс Шульман, Воннегут и Ивлин Во. Раскрытая «Четверть такта» Сесила Скотта Форестера лежала на столе.

В стенном шкафу – хорошее спортивное ружье, фотоап-

парат «Никон», кинокамера «Болекс» под пленку «Супер-8» и проектор.

Грэм, все имущество которого состояло из простейших рыболовных снастей, древнего «Фольксвагена» да двух ящиков «монтраше», к своему удивлению, почувствовал легкую зависть, глядя на эти игрушки взрослого человека.

Что же представлял собой Лидс? Преуспевающий адвокат, специализирующийся на налоговых делах, футболист. Добродушный здоровяк. Даже с перерезанным горлом он нашел в себе силы бороться.

Грэм прошел по всему дому. Его влекло какое-то странное чувство: узнать хоть что-то о Лидсе значило для Грэма получить молчаливое согласие мужа на то, чтобы поближе познакомиться с женой.

Грэм чувствовал, что именно из-за нее и проник в этот дом монстр. Именно она манила его сюда, как пение сверчка манит к тому его смертельного врага – красноглазую муху.

Итак, миссис Лидс.

Маленькая гардеробная наверху. Дверь в нее Грэм увидел сразу, как только вошел в спальню. Комната, выдержанная в желтых тонах, казалась нетронутой, если не считать разбитого зеркала над туалетным столиком. На полу напротив стенового шкафа стояла пара дорогих мокасин, словно хозяйка только что разулась. Халат висел на вешалке, в самом шкафу царил легкий беспорядок, как и у всякой женщины, которой приходится следить за порядком сразу в нескольких стеновых

шкафах.

Дневник миссис Лидс лежал в темно-фиолетовой бархатной шкатулке на туалетном столике. Ключ от шкатулки был приклеен липкой лентой к крышке, как и бирка полицейской камеры хранения. Грэм присел на белый крутящийся стул и наугад открыл дневник:

«23 декабря, вторник. Мы у мамы. Дети еще спят. Когда мама застеклила веранду с солнечной стороны, мне ужасно не понравилось, как изменился внешний вид дома, но потом оказалось, что зимой здесь тепло – можно сидеть и любоваться, как идет снег. Сколько раз она еще сможет устраивать внукам такое вот Рождество? Надеюсь, много.

Дорога из Атланты была вчера довольно трудной, после Рейли повалил снег. Машина еле ползла. К тому же я безумно устала, пока собрала всех в поездку. Проехав Чепел-Хилл, Чарли остановился и вышел из машины. Сбил с дерева несколько сосулек, чтобы приготовить мне мартини. Возвращаясь, высоко поднимал длинные ноги, когда пробирался сквозь сугробы. На волосах и ресницах у него был снег, и я вдруг вспомнила, что люблю его. Я почувствовала, что от этой мысли во мне разлилось приятное тепло.

Надеюсь, эта парка ему будет впору. Боже, если он купил мне то кольцо, я умру. Как мне хотелось стукнуть Мэдлин по ее толстой заднице, когда она принеслась с ее кольцом и ну расхваливать. Четыре огромных бриллианта. Цвета грязного

льда, фи! Сосульки такие прозрачные и чистые. Луч солнца упал на бокал и, преломившись, отбросил на мою руку красно-зеленый блик. Даже не глядя на руку, я чувствовала на ней этот цвет.

Он спросил, что бы я хотела получить от него в подарок на Рождество. Я наклонилась и прошептала ему в самое ухо: «Твоего шалуна, большого и упругого, мой глупышка, и поглубже».

У него даже лысина покраснела. Бедный, он всегда боится, что дети могут нас услышать. Мужчины не доверяют шепоту...»

Грэм снова углубился в чтение. Он узнал, как нервничала миссис Лидс, когда у дочки был тонзиллит, и как запаниковала, обнаружив в июне небольшую опухоль у себя в груди. («Боже, прошу Тебя, ведь дети еще такие маленькие».)

Через три страницы выяснилось, что опухоль оказалась всего лишь небольшой доброкачественной кистой, легко удалявшейся хирургическим путем.

«Доктор Дженович выпустил меня на свободу сегодня днем. Мы вышли из больницы и поехали на озеро. Давно уже там не были. Все не хватало времени. Чарли прихватил с собой две бутылки шампанского в ведерке со льдом, мы пили вино, кормили уток и любовались закатом. Он стоял у самой воды, повернувшись ко мне спиной, и, как мне показалось,

прослезился.

Сьюзен сказала, что очень боялась, как бы мы не вернулись домой из больницы еще с одним братиком для нее. Наконец-то дома!»

Грэм услышал телефонный звонок в спальне. Щелкнул и зажужжал автоответчик: «Здравствуйте, говорит Вэлери Лидс. К сожалению, я не могу сейчас подойти к телефону, но, если после гудка вы сообщите свое имя и номер телефона, мы перезвоним вам позже. Спасибо».

Грэм ожидал услышать после гудка голос Крофорда, но раздался щелчок. Звонивший повесил трубку.

Вот он и услышал ее голос. Теперь он хотел увидеть ее. Грэм спустился вниз и вошел в комнату.

У него в кармане лежала киноплёнка «Супер-8», принадлежавшая Чарльзу Лидсу. За три недели до гибели Лидс отправил ее на обработку. Получить ее обратно ему не пришлось. Пленку забрала полиция, обнаружив в бумажнике Лидса квитанцию. Но, просмотрев фильм и сравнив его с фотографиями, сделанными в то же время, полицейские не нашли ничего, что могло бы заинтересовать их.

Грэму нужно было увидеть Лидсов живыми. Полицейские предложили ему воспользоваться их проектором. Но Грэм хотел посмотреть фильм в доме Лидсов. С большой неохотой ему позволили забрать пленку с собой.

Найдя в стенном шкафу экран и проектор, Грэм заправил пленку и уселся в большое кожаное кресло Чарльза Лидса.

На подлокотнике четко виднелись липкие отпечатки детских пальцев. Грэм потрогал их и поднес руку к лицу. Она пахла карамелью.

Это был короткий немой фильм, довольно изобретательный для любительской ленты. Вначале на экране появился серый скотчтерьер, дремлющий на ковре в кабинете. Услышав стрекот кинокамеры, пес проснулся, поднял голову и глянул в объектив. Затем, успокоившись, снова улегся. Собака крупным планом. Пес наострил уши, вскочил, залаял и бросился наутек. Камера проследовала за ним на кухню. Он подбежал к входной двери и замер в ожидании, помахивая куцым хвостом.

Грэм прикусил губу. Он тоже ждал. На экране открылась дверь, и вошла миссис Лидс с пакетами зелени. От неожиданности она широко раскрыла глаза, потом рассмеялась. Свободной рукой отвела назад пышные волосы. Ее губы зашевелились, и она вышла из кадра. За ней, с пакетами поменьше, шли дети. Девочке шесть лет, мальчикам – восемь и десять.

Младший, по всей вероятности звезда домашнего кинематографа, показал на свои уши и подвигал ими. Камера поднята довольно высоко. Согласно заключению о смерти, рост Лидса составлял сто девяносто четыре сантиметра.

Грэм предположил, что эту часть фильма снимали ранней весной. Дети в ветровках. Лицо миссис Лидс довольно бледное. Когда Грэм увидел ее в морге, у нее был уже сильный

загар на фоне белой кожи, оставшейся под купальником.

Далее следовали короткие сюжеты: мальчики играют в пинг-понг на нижнем этаже; в своей комнате девочка, Сьюзен, заворачивает подарок в блестящую бумагу. Высунутый от усердия язычок, упавшие на глаза волосы. Вот она отбросила их назад тем же жестом, что и мать.

Следующие кадры запечатлели Сьюзен в ванне, полной пены, барахтающуюся на дне, словно лягушонок. На голове большая купальная шапочка. Точка съемки теперь была ниже, а фокус хуже: видимо, снимал кто-то из братьев. Сцена заканчивалась беззвучным криком Сьюзен в сторону камеры. Шапочка сползает на глаза, но девочка не может ее поправить, потому что закрывает руками свою грудь.

Эта мысль пришла по вкусу старшему Лидсу. И вот он крадется в душ, где купается миссис Лидс. Шторка душа дернулась и медленно поползла в сторону, словно занавес в школьном театре. Оттуда показалась рука миссис Лидс, сжимающая большую губку. Все исчезает в мыльной пене. Фильм заканчивался изображением работающего телевизора и наплывом на спящего Лидса – он храпел в том самом кресле, где сейчас сидел Грэм.

Грэм долго не мог оторвать взгляд от яркого квадрата света на пустом экране. Семья Лидсов ему понравилась. Он пожалел, что побывал в морге. Ему пришло в голову, что маньяку, пробравшемуся в дом той страшной ночью, Лидсы тоже понравились. Но видно, мертвые Лидсы нравились ему

еще больше.

Грэм чувствовал, что голова уже не соображает. Поплавав в бассейне отеля, пока у него не начало сводить ноги, он вышел из воды, думая одновременно о бокале мартини с джином «Тэнкрей» и губах Молли.

Мартини он приготовил сам в пластмассовом стаканчике и позвонил Молли.

– Привет, красавица.

– Привет, милый. Ты откуда?

– Из ночлежки в Атланте.

– Ведешь себя хорошо?

– Прекрасно. Умираю от скуки.

– Я тоже.

– Хочу тебя.

– Я тоже.

– Расскажи, как ты там без меня?

– Ну, поругалась сегодня с миссис Хольпер. Она хотела вернуть мне платье с огромным пятном от виски на заднице. Не иначе в гости надевала.

– Ну а ты что сказала?

– Сказала, что не продавала ей платье в таком виде.

– А она?

– Разоралась, что раньше мы не отказывались принимать товар обратно, поэтому она здесь и покупала, хотя, кроме нас, ей есть куда пойти.

– А ты?

– Я ответила, что очень огорчена, потому что Уилл разговаривает со мной по телефону как последний осел.

– Понятно...

– У Вилли все нормально. Сейчас охраняет черепашки яйца, которые раскопали собаки. Лучше расскажи, чем ты там занимаешься.

– Читаю отчеты. Питаюсь всякой дрянью.

– Ломаешь голову целыми днями. Да?

– Так точно.

– Я могу помочь?

– Понимаешь, Молли, никак не могу ни за что зацепиться. Не хватает информации. Вернее, информации навалом, просто я в ней пока никак не разберусь.

– Сколько ты еще пробудешь в Атланте? Не подумай, я не собираюсь просить тебя побыстрее возвращаться домой. Просто хочу знать.

– Понятия не имею. По крайней мере еще несколько дней. Я так скучаю по тебе.

– Я тоже. Я тебя хочу.

– О боже, боюсь, я этого не выдержу. Давай не будем.

– Не будем что?

– Говорить об этом.

– Ладно, но думать-то об этом хоть можно?

– Конечно.

– У нас новая собака.

- О господи!
- Что-то среднее между бассетом и пекинесом.
- Замечательно.
- С большущими яйцами.
- Меня не интересует, какие у него яйца.
- Прямо по земле волочатся. Когда он бежит, ему приходится их втягивать.
- Он не может их втягивать.
- Может. Ты ничего не понимаешь.
- Понимаю.
- А ты свои можешь втягивать?
- Я так и знал, что мы к этому придем.
- Ну так как с яйцами-то?
- Ну если уж тебе так интересно, то один раз втягивал.
- Когда же?
- В молодости. Когда пришлось быстро перепрыгивать через забор из колючей проволоки.
- Зачем?
- Да я нес арбуз с чужого огорода.
- Ты что, удирал? От кого?
- От одного знакомого свинопаса. Он услышал, как залаляли собаки, и выскочил из дому в трусах и с двустволкой. К счастью, споткнулся и дал мне фору.
- Он стрелял в тебя?
- Тогда я думал, что да. Хотя этот звук могла произвести и моя задница. С перепугу. Так что я до сих пор не знаю, кто

из нас стрелял.

– Ты перепрыгнул через забор?

– Запросто.

– Ясно. Преступные наклонности с детства.

– Нет у меня никаких преступных наклонностей.

– Ну конечно нет. Да, слушай, я тут задумала покрасить кухню. Какой тебе нравится цвет? Уилл! Я спрашиваю: какой тебе нравится цвет? Эй, ты меня слышишь?

– Да-да, желтый. Давай покрасим в желтый.

– Нет, желтый мне не нравится. На желтом фоне я по утрам буду выглядеть зеленой.

– Ну, тогда голубой.

– Голубой слишком холодный.

– Черт возьми, по мне, так хоть цвет детской неожиданности... Хотя нет, знаешь, я скоро, наверное, вернусь, мы пойдем с тобой в магазин и там выберем все на месте. А может, еще и новые дверные ручки купим.

– Ладно, купим. Сама не знаю, зачем я несую всю эту чушь. Ведь совсем другое хотела сказать. Я люблю тебя, скучаю по тебе. Ты делаешь нужное дело. Тебе трудно, я знаю. Но я здесь, и я буду ждать тебя, когда бы ты ни вернулся, или приеду к тебе куда угодно и когда угодно. Вот что я хотела сказать тебе.

– Милая. Милая моя Молли. Наверное, уже пора спать.

– Хорошо.

– Спокойной ночи.

Грэм лег, положил руки под голову и вспомнил обеды, которые они готовили вместе с Молли. Крабы, соленый бриз вперемешку с вином. Его проклятием были эти «разборки» про себя. И сейчас у него в голове снова всплыла беседа с Молли. Как он огрызнулся на нее за безобидное, в сущности, замечание по поводу его «преступных наклонностей». Болван.

Странно, что могла найти в нем Молли.

Грэм позвонил в управление и попросил передать Спрингфилду, что хотел бы с утра подключиться к работе местной полиции. Больше делать ему было нечего.

Джин помог уснуть.

6

На письменном столе Спрингфилда лежали копии записей всех телефонных звонков по делу Лидсов. Когда во вторник в половине восьмого утра он вошел в свой кабинет, их было уже шестьдесят три. К самому важному была прикреплена красная бумажка.

В нем сообщалось, что полиция Бирмингема отыскиала кота, похороненного в коробке из-под обуви за гаражом Джейкоби. Кот был укутан в кухонное полотенце, с цветочком между лапами. На крышке коробки детской рукой нацарапана кличка. Ошейника не было. Коробка перевязана веревкой, завязанной на бантик.

Бирмингемский судмедэксперт определил, что кота задушили. Он специально побрил его, но колотой раны не обнаружил.

Спрингфилд постукивал дужками очков по зубам.

Могилку нашли по мягкой почве, не потребовалось никаких проб на содержание метана, просто копнули лопатой. Грэм снова оказался прав.

Начальник следственного отдела лизнул указательный палец и перелистал остальные записи. В большинстве из них говорилось о подозрительных машинах, которые проезжали недалеко от места преступления в течение прошедшей недели. Описания, как правило, сводились к типу и цвету маши-

ны. В четырех случаях жителям города звонили неизвестные и угрожали, что сделают с ними то же, что и с Лидсами.

Запись звонка Хойта Льюиса лежала в середине стопки.

Спрингфилд позвонил дежурному:

– Слушай, что это за заявление контролера по поводу некоего Парсонса?

– Ночью мы связались с коммунальной службой, чтобы узнать, направляли ли они своих людей в тот переулок, – доложил дежурный. – Они перезвонят утром.

– Пошлите кого-нибудь к ним немедленно, – распорядился Спрингфилд. – Свяжитесь также с санитарной и эксплуатационной службами. Позвоните мне прямо в машину.

Он набрал номер Грэма в гостинице:

– Уилл, через десять минут ждите меня у входа в отель.

Прокатимся кое-куда.

Без четверти восемь Спрингфилд остановил машину в конце переулка и вместе с Грэмом зашагал по продавленной колесами колее. Несмотря на раннее время, солнце уже припекало.

– Вам бы следовало надеть что-нибудь на голову, – посоветовал Спрингфилд.

На нем самом была щеголеватая шляпа из соломки, которую он надвинул на самые глаза.

Ограда из металлической сетки позади дома Лидсов была увита виноградной лозой. Они остановились у столба, на котором висел счетчик.

– Если он проходил по переулку, то с этого места мог видеть всю заднюю часть дома, – заметил Спрингфилд.

Прошло всего пять дней, а участок Лидсов начал приобретать запущенный вид. На газоне пробивался дикий лук. Во дворе валялись сорванные ветром ветки. Грэму вдруг захотелось собрать их. Казалось, дом погрузился в глубокий сон. Веранда выглядела полосатой из-за длинных теней деревьев. Стоя в переулке рядом со Спрингфилдом, Грэм попытался представить, как он заглядывает в заднее окно и открывает дверь на веранду. Однако сейчас, при солнечном свете, представить себе проникновение убийцы в дом было трудно. Он перевел взгляд на детские качели, едва раскачивающиеся на легком ветру.

– А вот, кажется, и Парсонс, – сказал Спрингфилд.

Несмотря на ранний час, Парсонс уже ковырялся на клумбе во дворе. Его участок находился через два дома от владений Лидсов. Спрингфилд и Грэм подошли к задней калитке и остановились у мусорных контейнеров, крышки которых были прикованы цепями к забору. Спрингфилд померил высоту крепления счетчика при помощи рулетки.

На всех соседей Лидсов у Спрингфилда были составлены справки. Поэтому он знал, что Парсонса досрочно отправили на пенсию из-за «прогрессирующей рассеянности» по решению администрации почты, где он служил. Записи Спрингфилда содержали также и сплетни. Так, соседи утверждали, что жена Парсонса почему-то часто подолгу гостит у

своей сестры в Мейконе, а сын никогда не звонит ему.

– Мистер Парсонс! – крикнул Спрингфилд.

Парсонс прислонил к стене вилы и подошел к забору. Его сандалии и белые носки были испачканы землей. Розовое лицо блестело.

«Атеросклероз», – определил Грэм.

– Да?

– Мистер Парсонс, не могли бы вы уделить нам несколько минут? Мы надеемся на вашу помощь, – начал Спрингфилд.

– Вы из электрокомпании?

– Нет, меня зовут Спрингфилд, мы из полиции.

– А, значит, по поводу убийства. Я уже говорил полицейским, мы с женой были в Мейконе...

– Я знаю, мистер Парсонс. Мы хотели бы узнать кое-что о вашем электросчетчике. Вы...

– Если этот... контролер заявил вам, что я совершил что-нибудь противозаконное, то...

– Нет-нет, мистер Парсонс, нас интересует, видели ли вы незнакомца, снимавшего показания с вашего счетчика на прошлой неделе.

– Нет.

– Вы уверены? По-моему, вы сами говорили Хойту Люису, что кто-то крутился возле вашего счетчика.

– Говорил. Давно пора его проверить. Ничего, я это так не оставляю. Я еще в Комиссию по коммунальному обслуживанию позвоню.

– Конечно, сэр. Уверен, там разберутся. Так кого вы видели у вашего счетчика?

– Как кого? Сотрудника электрокомпании Джорджии.

– Откуда вы знаете, что это был сотрудник?

– Ну, он выглядел как контролер счетчиков.

– Как он был одет?

– Да так же, как все они, по-моему. Ну, коричневый комбинезон, кепка.

– Вы рассмотрели его лицо?

– Да не помню я уже. Я увидел его, когда выглянул из окна в кухне. Хотел поговорить с ним, но мне нужно было сначала одеться, а когда я вышел из дому, его уже не было.

– У него был грузовик?

– Да вроде нет. А что случилось? Почему вы спрашиваете?

– Мы проверяем всех, кто находился вблизи места преступления на прошлой неделе. Это очень важно, мистер Парсонс. Постарайтесь вспомнить.

– Стало быть, вы все же по поводу убийства. Поймали уже кого-нибудь?

– Нет.

– Конечно. Вчера вечером я смотрел в окно на улицу, и за целых пятнадцать минут не проехало ни одной патрульной машины. Это просто кошмар, что случилось с Лидсами. Моя жена до сих пор не может прийти в себя. Интересно, кто же теперь купит их дом? Пару дней назад я видел, как тут два негра его осматривали. Знаете, мне несколько раз при-

ходило с беседовать с Лидсами по поводу их детей, они казались довольно порядочными людьми. Конечно, он не стал ничего делать с газоном, как я ему советовал. Министерство сельского хозяйства издает чудесные книжечки о борьбе с сорняками на газонах. Я потом их опускал ему в почтовый ящик. Честно скажу, когда он косил газон, от запаха дикого лука дышать было невозможно.

Спрингфилд начал терять терпение.

– Мистер Парсонс, когда точно вы видели этого парня в переулке?

– Не помню, надо подумать.

– Вы что, не можете вспомнить время суток? Утро? День? Вечер?

– Я знаю, из чего состоят сутки, можете не перечислять. Кажется, днем это было. Я не помню.

Спрингфилд потер рукой шею.

– Вы меня простите, мистер Парсонс, но мне необходимо узнать точное время. Не будете ли вы так любезны проводить нас на кухню и показать то место, откуда вы его видели?

– Предъявите ваши удостоверения. Оба.

В доме царили чистота и порядок. И спертый воздух. Чистота. Чистота. Доведенный до отчаяния порядок престарелой пары, которая осознает, как постепенно теряет прозрачность их жизнь.

Грэм пожалел, что зашел в дом. Он был уверен, что в ящиках лежит полированное столовое серебро с неотмытым яич-

ным желтком между зубцами вилок.

«Ну ладно. Пора браться за дело». Из окна над кухонной раковиной был хорошо виден весь задний двор.

– Отсюда. Удовлетворены? – спросил Парсонс. – Да видно отсюда счетчик, видно. А с контролером я не разговаривал. И не помню, как он выглядел. Если это все, то простите, у меня много работы.

В разговор вмешался Грэм:

– Вы сказали, что пошли одеваться, а когда вернулись, его уже не было. Значит, вы были раздеты?

– Да.

– Днем? Вам что, нездоровилось, мистер Парсонс?

– Все, что я делаю в своем доме, это мое дело. Захочу, буду, как индеец, в перьях ходить. И вообще, почему вы торчите здесь, вместо того чтобы ловить убийцу? Здесь что, попрохладнее?

– Я понимаю, мистер Парсонс, вы сейчас на пенсии, поэтому вам необязательно одеваться каждый день. Вы вообще, наверное, редко одеваетесь дома, верно?

У Парсонса даже вены вздулись на висках от таких слов.

– То, что я на пенсии, вовсе не значит, что я не одеваюсь и бездельничаю целыми днями. Мне стало жарко, я зашел в дом и принял душ. Я работал. Мульчировал⁴. И между прочим, к полудню уже всю дневную норму заканчивал, а это

⁴ Мульчировать – обкладывать корни растений соломой, навозом и т. п., чтобы ослабить испарение влаги с поверхности почвы.

побольше, чем вы сделаете за день.

– Чем, вы говорите, занимались?

– Мульчировал.

– Когда это было?

– В пятницу. В прошлую пятницу. Мне как раз привезли целую кучу навоза в то утро, и я... я все перетаскал до обеда. Можете проверить в Садоводческом центре. Они вам скажут, сколько там было.

– Итак, вам стало жарко, вы зашли в дом и приняли душ. А что вы делали на кухне?

– Готовил себе чай со льдом.

– А, так вы брали лед из морозилки. Но ведь холодильник вон там, довольно далеко от окна.

Сбитый с толку, Парсонс перевел взгляд с окна на холодильник. Глаза стали безжизненными, словно у рыбы на рынке к концу дня. Но внезапно они победоносно вспыхнули. Он подошел к столу сбоку раковины.

– Когда я увидел его, я как раз стоял вот здесь и доставал снизу сахарин. Так-то. Теперь все? Еще вопросы будут?

– Наверное, это был Хойт Льюис, – сказал Грэм.

– Я тоже так думаю, – ответил Спрингфилд.

– Не Льюис это был! Не Льюис!

Глаза Парсонса слезились.

– Откуда вы знаете? – пожал плечами Спрингфилд. – Это вполне мог быть Хойт Льюис, просто вы подумали...

– Да Льюис весь черный от загара. У него седые жирные

волосы и редкие бакенбарды, словно выщипанные. – Парсонс повысил голос и затараторил так быстро, что его с трудом можно было понять: – Вот откуда я знаю. Говорю вам, не Льюис это был. Этот был бледнее, и волосы светлые. Он еще повернулся, чтобы что-то записать себе в блокнот, и я разглядел волосы сзади. Точно, блондин. А на шее волосы под скобку подстрижены.

Спрингфилд слушал его со скучающим видом.

– Лица его, конечно, не видели? – спросил он скептическим тоном.

– Не помню. По-моему, у него были усы. А может, не было...

– Как у Льюиса?

– У Льюиса нет усов.

– Ах да. А как он смотрел показания счетчика? Может, голову задирал или нагибался?

– Да нет, просто стоял.

– Узнали бы его, если бы снова увидели?

– Нет.

– Какого он примерно возраста?

– Не старый. Больше ничего не знаю.

– А собаки Лидсов вы поблизости не видели?

– Нет.

– Мистер Парсонс, я понял, что был не прав, – улыбнулся Спрингфилд. – Вы нам очень помогли. Если не возражаете, я пришлю вам нашего художника, и если вы позволите ему

присесть тут у окна, то, может быть, он сможет нарисовать, как выглядел этот человек. Это наверняка был не Льюис.

– Не хватало еще, чтобы мое имя появилось в газетах.

– Можете не беспокоиться, не появится.

Парсонс пошел провожать их до калитки.

– Вы столько труда вложили в этот участок, мистер Парсонс, – заметил Спрингфилд, проходя мимо клумб. – Ваши цветы – да на конкурс бы!

Парсонс не ответил. Его красное лицо подергивалось, глаза слезились. Стоя в своих мешковатых шортах и стоптаных сандалиях, он молча смотрел на удаляющихся полицейских. Когда они отошли достаточно далеко, старик схватился за вилы и принялся яростно разбрасывать навоз прямо на траву и цветы.

Машину Спрингфилда вызвали на связь. Ни одна из коммунальных служб города не посылала своих людей в переулок накануне убийства. Спрингфилд передал описание, сделанное Парсонсом, и отдал распоряжения для художника.

– Скажите, чтобы он нарисовал сначала столб и счетчик, а от этого уже плясал дальше. И пусть будет помягче со свидетелем. Наш художник не очень-то любит выезжать на дом, – пояснил он Грэму, пробираясь на своем «Форде» по запруженной машинами улице. – Ему больше по душе работать на глазах у юных секретарш, чтобы свидетель переминался с ноги на ногу и робко заглядывал ему через плечо. Но по-

лицейский участок не совсем подходящее место для спокойного разговора со свидетелем, которого не хочешь пугать до полусмерти. Как только рисунок будет готов – сразу же пойдем с ним по всему району, из дома в дом. Знаете, Уилл, я как та старая гончая, чувствую, что мы только что взяли след. Запах еще очень легкий, но уже есть, а? Как вы думаете? Все же мы раскрутили этого старого черта. Теперь главное – не упустить ниточку.

– Если человек в переулке был тем, кого мы ищем, то это пока самая главная зацепка, – согласился Грэм.

После визита к Парсонсу на душе у него было муторно.

– Правильно. Значит, он не просто выходит из автобуса и вслепую бежит туда, куда указывает ему его поганый хрен, а действует по плану. Он на сутки задерживается в городе, планирует все на день-два вперед. У него есть своя тактика. Разведка места преступления, убийство домашнего животного, а затем всей семьи. Но что это за тактика и почему именно так, черт возьми? – Спрингфилд умолк и взглянул на Грэма. – Да, это, мне кажется, уже по вашей части.

– Что ж, если все так, похоже, он мой клиент.

– Я знаю, вы работали и раньше по таким делам. Когда я спросил вас насчет Лектера, вам не хотелось затрагивать эту тему. Но мне все же необходимо поговорить с вами об этом.

– Хорошо.

– На его счету девять жертв, так?

– Девять умерли. Двое выжили.

– И что с ними сейчас?

– Один до сих пор в реанимации в больнице Балтимора, другой – в частной психиатрической лечебнице в Денвере.

– Но что заставило убийцу заниматься подобными делами? Он что, сумасшедший?

Грэм посмотрел в окно на спешащих куда-то пешеходов. Голос его сделался бесстрастным, как будто он диктовал письмо.

– Он стал заниматься этим, потому что ему нравилось этим заниматься. Но доктор Лектер не сумасшедший, по крайней мере не такой, какими мы их обычно себе представляем. Он совершал страшные убийства, потому что получал от этого удовольствие. Но когда ему нужно, он ведет себя как нормальный человек.

– А что говорят психиатры? Что с ним такое?

– Они называют его социопатом, потому что не могут найти более подходящего слова. У него действительно есть некоторые признаки социопата. Например, полное отсутствие угрызений совести или чувства вины. А главный признак – садизм по отношению к животным, проявившийся в детстве.

Спрингфилд выматерился.

– Но у него отсутствуют все остальные признаки социопатии, – продолжал Грэм. – Бродягой он не был, в конфликт с законом не вступал. Не хитрит по мелочам, как большинство социопатов. Он восприимчив ко всему, что его окружает. Так что до сих пор непонятно, как его называть. Энцефа-

лограмма показала некоторые отклонения, но по ним трудно сделать определенные выводы.

– А как бы вы сами его назвали? – спросил Спрингфилд. Грэм задумался.

– Ну, для себя как вы его называете?

– Чудовище. Я сравниваю его с теми существами, которые рождаются время от времени: в роддоме их кормят, держат в тепле, но не подключают систему жизнедеятельности, и они умирают. Так вот, Лектер такой же, как они, только с виду нормальный.

– Я знаю нескольких офицеров полиции в Балтиморе и спрашивал их, каким образом вам удалось поймать этого Лектера. Они сказали, что не знают. Так как вы это сделали? Как вы на него вышли?

– Случайное стечение обстоятельств, – пожал плечами Грэм. – Шестой по счету человек был убит в своей собственной мастерской. У него там стоял деревообрабатывающий станок, инструменты всякие, там же он держал и свои охотничьи принадлежности. Он был подвешен на крюках, вбитых в стену, и буквально изрезан, изрублен, разодран на части. В теле торчали стрелы. Его раны что-то мне напомнили, но я никак не мог понять, что именно.

– И что, пришлось ждать следующих убийств?

– Да, и Лектер зачастил – всего за девять дней три новые жертвы... Так вот, у шестого было два старых шрама на бедре. Патологоанатом не поленился съездить в местную боль-

ницу и установил, что этот человек пять лет назад во время охоты с луком, напившись, упал с дерева и проткнул ногу стрелой. Запись сделана хирургом, но первую помощь ему оказал Лектер – он как раз дежурил в травмпункте. Он расписался в журнале приемного отделения. Времени с тех пор прошло, конечно, много, но я подумал, что Лектер сможет припомнить, не было ли в той ране от стрелы чего-нибудь подозрительного. Поэтому я отправился к нему поговорить. Нам больше не за что было зацепиться. У него к тому времени была своя практика. Психиатрический кабинет, обставленный антиквариатом. Когда я спросил его об этом случае, он сказал, что плохо его помнит – только то, что этого беднягу приволок в больницу его приятель, и все. Но что-то меня насторожило. То ли он говорил как-то не так, то ли что-то подозрительное было в самом его кабинете. Мы с Кроффордом долго ломали голову. Проверили по картотеке, но Лектер там не значился. Я уж сам хотел покопаться в его кабинете, но не смог получить ордер – не было оснований для обыска. Тогда я снова пошел к нему. Было воскресенье, но он принимал без выходных. В здании было пусто, за исключением нескольких человек у него в приемной. Он пригласил меня сразу же. Мы беседовали, и он сделал мне любезное предложение – помочь в поисках убийцы, и тут я увидел книги по медицине на полке у него над головой и сразу понял, что это ОН. Я снова взглянул на него, и, наверное, выражение лица у меня изменилось. Теперь я знал его тайну,

и он понял это. Хотя я еще не был так уж уверен, что это именно он. Мне нужно было собраться с мыслями. Я что-то промямлил и вышел из кабинета. В холле был телефон. Нельзя было его испугнуть, тем более не имея поддержки, и я позвонил в полицию. Но он вышел через другую дверь и, разувшись, в одних носках, подкрался сзади. Я даже не услышал, как он подошел. Только почувствовал его дыхание, ну а потом... дальше вы знаете.

– Так как же вы все-таки догадались?

– Я понял это только через неделю, уже когда лежал в больнице. Мне помогла иллюстрация «Ранения человека», она встречается почти во всех старых книгах по медицине, каких у Лектера была целая полка. Я видел ее, когда проходил курс судебной медицины, который вел один патологоанатом в Университете Джорджа Вашингтона. Так вот, оказалось, что поза и раны той шестой жертвы очень походили на «Ранения человека».

– «Ранения человека», говорите? И это все, что у вас было?

– Ну да. Просто случайность, что я когда-то уже видел этот рисунок. Повезло.

– Ничего себе, повезло.

– Слушайте, если вы мне не верите, так какого черта я все это рассказываю!

– Ну ладно, ладно, не кипятитесь.

– Простите. И тем не менее все так и было.

– Ну ладно, – сказал Спрингфилд. – Спасибо, что рассказали. Мне нужно знать такие вещи.

Описание человека в переулке, сделанное Парсонсом, и информация о задушенном коте и раненой собаке указывали на возможную тактику убийцы: предположительно он проводил разведку под видом контролера электрической компании и, прежде чем убить всю семью, расправлялся с домашними животными.

И сразу же встал вопрос: стоит ли предавать огласке данную версию?

С одной стороны, население будет настороже. Возможно, кто-то сообщит что-нибудь новое. А с другой – убийца тоже, наверное, следит за новостями.

В следующий раз он может действовать по-иному.

Полиция склонялась к мнению, что все эти скудные сведения должны быть сохранены в тайне. Однако следовало разослать ветеринарам и обществам охраны животных по всему юго-восточному побережью предписания с просьбой немедленно сообщать обо всех случаях жестокого обращения с животными.

Но население не будет предупреждено об опасности. Полиция в этой ситуации чувствовала определенный моральный дискомфорт.

Проконсультировались с доктором Аланом Блумом из Чикаго. Он подтвердил, что если убийца прочтет в газетах

о ходе следствия, то, скорее всего, изменит тактику. В то же время доктор Блум высказал предположение, что, несмотря на риск, маньяк вряд ли перестанет нападать на домашних животных. Психиатр предупредил полицию, что у них в запасе лишь двадцать пять дней. Следующее полнолуние – 25 августа.

Утром 31 июля, через три часа после того, как Парсонс дал описание преступника, состоялся телефонный разговор между полицейскими управлениями Бирмингема, Атланты и Кроффордом, который находился в Вашингтоне. Они приняли решение разослать письма ветеринарам, рисунок художника в течение трех дней показать во всех близлежащих к месту преступления домах, а затем передать предупреждение через средства массовой информации.

За эти три дня Грэм и полицейские Атланты буквально отполировали ногами тротуары, показывая рисунок всем живущим в районе дома Лидсов. Портрет был весьма схематичный, но они надеялись, что хоть кто-нибудь поможет его дополнить.

Копия, которую носил с собой Грэм, замахрилась по углам. Ночью он отсыпался у себя в номере, посыпав тальком натертые ноги. Вопросы, на которые никак не находились ответы, выстраивались у него в голове причудливыми голограммами. Он испытывал чувство, которое обычно возникало у него перед тем, как рождалась идея. Но идея так и не приходила.

Тем временем в Атланте произошли четыре несчастных случая, один со смертельным исходом. Главы семей открыли огонь по припозднившимся родственникам. Стали чаще звонить по поводу бродяг, замеченных поблизости. Столы в полицейском управлении были завалены грудой заявлений и протоколов с бесполезной информацией. Отчаяние наступало со всех сторон, словно чума.

К концу третьего дня из Вашингтона вернулся Крофорд. Он заглянул к Грэму как раз в тот момент, когда тот, сидя на кровати, стягивал с затекших ног мокрые от пота носки.

– Ну что, тяжело приходится?

– Бери завтра утром рисунок и сам узнаешь, – буркнул Грэм.

– Не стоит, вечером это все уже будет в газетах. Ты что, целый день ходил пешком?

– Да, понимаешь, там между домами заборы понаставлены. На машине хрен проедешь.

– Честно говоря, я и не надеялся, что из этого выйдет что-нибудь путное, – признался Крофорд.

– Чем же мне было заниматься, черт возьми?

– Тем, что у тебя лучше всего получается, вот чем. – Крофорд поднялся, чтобы уйти. – Иногда я тоже сам себе ищу работу. Особенно после того, как пить бросил. Ты, я вижу, тоже.

Грэм разозлился. Крофорд был прав.

У Грэма была привычка все откладывать на потом. И он

знал за собой этот грех. Давным-давно, когда он учился в школе, он компенсировал этот недостаток скоростью исполнения. Но сейчас он был не в школе.

Кое-что Грэм мог предпринять прямо сейчас – уже не первый день об этом думал. Но он мог ждать до тех пор, пока обстоятельства не заставят его сделать все в последние дни перед полнолунием.

Ему нужно было выслушать чужое мнение. Посмотреть на вещи другими глазами. Постараться восстановить то особое состояние, исчезнувшее за годы тихой и счастливой жизни с Молли.

Уверенность, что этого избежать не удастся, неумолимо росла. Грэм чувствовал себя человеком, взбирающимся все выше и выше в крохотном вагончике американских горок. Вот вагончик замер на головокружительной высоте, и, перед тем как соскользнуть вниз, Грэм сказал вслух:

– Придется повидаться с Лектером.

Он не почувствовал, как инстинктивно схватился при этом за живот.

Доктор Фредерик Чилтон, директор Чесапикской больницы для невменяемых преступников, вышел из-за стола, чтобы поздороваться с Уиллом Грэмом.

– Доктор Блум позвонил мне вчера, мистер Грэм. Вас, наверное, следует называть «доктор Грэм»?

– Я не доктор.

– Мне было приятно услышать доктора Блума, ведь мы знаем друг друга целую вечность. Присаживайтесь, пожалуйста.

– Мы надеемся на вашу помощь, доктор Чилтон.

– Честно говоря, я иногда чувствую себя скорее секретарем Лектера, нежели врачом, под чьим контролем он находится, – заметил Чилтон. – Он получает обширную почту. По-моему, в научных кругах считается особым шиком завязать с ним переписку. Я собственными глазами видел, что его письма даже висят в рамках на стенах факультетов психиатрии. Одно время мне казалось, что каждый аспирант, специализирующийся по психиатрии, жаждет побеседовать с ним. И я всегда рад помочь вам и доктору Блumu.

– Мне нужно поговорить с доктором Лектером, желательно наедине, – сказал Грэм. – После сегодняшней встречи мне, вероятно, понадобится увидеть его еще раз или позвонить ему по телефону.

Чилтон кивнул.

– Начнем с того, что доктор Лектер останется в своей камере. Это единственное место, где его можно держать без смирительной рубашки. Одна из стен его камеры представляет собой двойной барьер, отделяющий ее от коридора. Я распоряжусь поставить там стул и ширму, если хотите. Должен попросить вас не передавать ему никаких предметов, кроме листов бумаги без скрепок. Никаких скоросшивателей, ручек или карандашей. У него есть фломастеры.

– Мне, возможно, придется показать ему кое-какие материалы, чтобы дать стимул к разговору.

– Вы можете показывать ему что угодно, если это написано или нарисовано на мягкой бумаге. Документы можно передавать, положив их на лоток для передачи пищи. Не передавайте ничего руками и не принимайте от него ничего, что он будет протягивать вам через барьер. Он может вернуть вам бумаги, положив на тот же лоток. Я настаиваю на этом. Доктор Блум и мистер Крофорд заверили меня, что вы будете подчиняться моим требованиям.

– Хорошо, – сказал Грэм и приподнялся на стуле.

– Понимаю, вам не терпится, мистер Грэм, но я хочу вначале рассказать вам одну историю, весьма поучительную. Наши меры предосторожности могут показаться вам излишними. Но доктор Лектер действительно очень опасен и дьявольски хитер. Целый год после того, как его сюда поместили, он вел себя просто идеально и даже был контактен во

время психотерапии. И как результат – это было еще при старом директоре, – меры безопасности по отношению к нему слегка ослабили. Восьмого июля тысяча девятьсот семьдесят шестого года после обеда он пожаловался на боль в груди. В смотровом кабинете его освободили от смирительной рубашки, чтобы сделать электрокардиограмму. Один из сопровождавших его санитаров вышел покурить, а другой на секунду отвернулся... Слава богу, сестра оказалась сильной и смогла увернуться. Один глаз ей удалось спасти. Этот момент может показаться вам любопытным.

Чилтон вытащил из ящика кардиограмму и, развернув ее на столе, начал водить по линии указательным пальцем.

– Смотрите, здесь он просто лежит на смотровом столе. Пульс семьдесят два. Здесь он хватает медсестру за голову и тянет ее вниз, к себе. Вот тут к нему подбежал санитар. Кстати, Лектер и не сопротивлялся, но санитар все же вывихнул ему руку. Видите? Странная вещь. Его пульс ни разу не превысил восьмидесяти пяти. Даже когда он вырывал ей язык.

Лицо Грэма оставалось бесстрастным. Он откинулся на стуле и сцепил руки у подбородка. Ладони у него были сухие.

– Знаете, когда Лектера только привезли, мы подумали, что нам представилась возможность изучить социопата в классически чистом виде, – продолжал Чилтон. – Так редко удается заполучить их живыми. У Лектера ясный, восприимчивый ум, он занимался психиатрией... и в то же время он изощренный убийца, на совести которого столько жертв.

Он показался нам контактным, и мы подумали, что с его помощью мы проникнем в тайны этого вида психического отклонения. Как Беймон изучал процесс пищеварения, вскрыв желудок святому Мартину. Но даже сейчас мы вряд ли понимаем Лектера лучше, чем в первые дни его пребывания у нас. Вам когда-нибудь приходилось с ним разговаривать?

– Нет. Только видел его, когда... В основном я видел его в суде. Доктор Блум показывал мне статьи Лектера в научных журналах.

– А он-то вас хорошо знает. Много о вас думает.

– Вы с ним беседовали?

– Да, двенадцать раз. Он полностью закрыт для изучения.

Слишком искушен в психодиагностике, тестировать его бесполезно. Расколоть его пытались и Эдвардс, и Фабре, и даже сам доктор Блум. У меня есть их записи. Для них он тоже остался загадкой. По нему незаметно, когда он что-нибудь скрывает, а когда знает больше, чем говорит. Находясь в изоляции, он опубликовал блестящие статьи в ведущих психиатрических журналах. Но ни одна из них не помогает понять его самого. Мне кажется, он боится, что если мы разгадаем его, то больше никто не будет интересоваться его персоной и всю оставшуюся жизнь ему придется провести в полном забвении.

Чилтон умолк. Когда-то давно он научился рассматривать своего собеседника боковым зрением и поэтому был уверен, что Грэм не заметит, что он наблюдает за ним.

– По нашему единодушному мнению, единственный человек, который действительно понял поведение Ганнибала Лектера, – вы, мистер Грэм. Не могли бы вы нас, так сказать, просветить?

– Нет, – отрезал Грэм.

– Тут у нас многие интересуются одним вопросом: вот вы расследовали убийства, совершенные доктором Лектером, поняли их стиль. Вы смогли воссоздать его фантазии? Помогло ли это вам разоблачить его?

Грэм не ответил.

– Нам, знаете ли, катастрофически не хватает материалов по этому вопросу. Была одна-единственная статья в журнале «Патопсихология». Может, побеседуете с моими подчиненными, ну не в этот раз, конечно. Доктор Блум меня строго предупредил, чтобы вам не мешали. Но может быть, в следующий раз?

Доктор Чилтон нередко чувствовал враждебность к своей персоне. Он ощутил ее и на этот раз. Грэм поднялся.

– Благодарю вас, доктор. А теперь я хотел бы увидеть Лектера.

Стальная дверь отделения строгого режима закрылась. Снаружи шелкнул засов.

Грэм знал, что утром Лектер просыпается поздно. Он окинул взглядом все помещение, но не смог заглянуть в камеру Лектера, а лишь заметил, что там царит полумрак.

Грэм хотелось застать Лектера спящим. Ему нужно было время, чтобы собраться. Если он почувствует, что безумие Лектера проникает в его мозг, то ему придется всеми силами защищаться от этого.

Чтобы заглушить звук шагов, Грэм пошел за санитаром, толкающим перед собой тележку с бельем. Доктора Лектера так просто не проведешь.

Грэм остановился недалеко от входа в камеру, его перего-раживали стальные решетки. За ними, на расстоянии немногим больше вытянутой руки, от пола до потолка и от стены до стены была натянута прочная нейлоновая сеть.

По ту сторону заграждений Грэм разглядел намертво при-крепленные к полу стол и стул. Стол был завален книгами в мягких обложках, журналами и письмами. Он подошел к решеткам и положил на них руки, затем поспешно убрал их.

Доктор Лектер спал на кровати, положив голову на при-слоненную к стене подушку. На груди покоился открытый «Большой кулинарный словарь» Александра Дюма.

В течение нескольких секунд Грэм молча разглядывал Лектера. Тот вдруг открыл глаза и произнес:

– Тот же самый лосьон после бритья, которым вы пользо-вались во время суда.

– Я получаю его в подарок на каждое Рождество.

Грэм почувствовал, как у него на затылке зашевелились волосы. Он потер шею ладонью.

– Кстати, о Рождестве, – вспомнил Лектер. – Вы получили

мою открытку?

– Да. Спасибо.

Рождественская открытка Лектера была переправлена Грэм криминалистической лабораторией ФБР из Вашингтона. Грэм пошел на задний двор, сжег ее и тщательно вымыл руки, прежде чем дотронуться до Молли.

Лектер встал с кровати и подошел к столу. Невысокий изящный человек. Очень аккуратный.

– Может, присядете, Уилл? В стенном шкафу, дальше по коридору, вроде держат складные стулья. По крайней мере, судя по звуку, их достают откуда-то оттуда.

– Сейчас санитар принесет.

Стоя, Лектер ждал, пока Грэм сядет.

– Как там Стюарт?

– Прекрасно.

Стюарт ушел в отставку, увидев подвал доктора Лектера. Сейчас он работал управляющим в мотеле. Но Грэм решил не говорить этого. Вряд ли Стюарт обрадуется, получив послание от доктора Лектера.

– Как жаль, что он оказался таким эмоционально неустойчивым. По-моему, его ждала блестящая карьера. А у вас никогда не возникало никаких проблем, Уилл?

– Нет.

– Действительно, откуда им взяться.

Грэму показалось, что Лектер видит его насквозь. Его пронзительный взгляд был мучительно неприятен, как на-

зойливый зуд, раздражающий мозг.

– Я рад, что вы пришли. Сколько уже прошло, года три, кажется? Обычно меня посещают только профессионалы. Ничего собой не представляющие психиатры из клиник да пытливые горе-доктора психологии с периферии – тугодумы, вымучивающие из себя статейки из страха лишиться места в своих забытых богом колледжах.

– Доктор Блум показывал мне вашу статью об особенностях садизма у хирургов в «Журнале клинической психиатрии».

– Ну и?..

– Любопытно. Даже для меня, дилетанта.

– Для дилетанта... Дилетанта. Интересный термин, – задумчиво сказал Лектер. – Сколько тут перебывало ученых мужей. Сколько приходило так называемых экспертов, всеми правдами и неправдами пробившихся к государственной кормушке. Если вы дилетант, то кто же тогда специалист? Разве не вы поймали меня тогда, а, Уилл? Вы хоть сами-то знаете, как это у вас получилось?

– Вы знакомились с материалами дела. Там все написано.

– Нет там ничего. Вы знаете, как вам это удалось, Уилл?

– Все в материалах следствия. Да и какое сейчас это имеет значение?

– Конечно. Для меня уже не имеет.

– Мне нужна ваша помощь, доктор Лектер.

– Я так и думал.

– Это по поводу Атланты и Бирмингема.

– Слушаю.

– Вы ведь, конечно, читали об этом.

– Я читал об этом в газетах, правда, не смог сделать вырезки. Мне не разрешают держать здесь ножницы. Угрожают, что отберут книги. Мне бы не хотелось, чтобы подумали, будто я снова замышляю что-нибудь ужасное. – Он рассмеялся, обнажая ровные белые зубы. – Вам хочется знать, как он выбирает жертвы?

– Я подумал, у вас могут быть какие-то предположения. Мне бы хотелось их услышать.

– С какой стати?

Грэм предвидел этот вопрос. Такая причина, как стремление прервать цепь убийств, явно не могла воодушевить Лектера.

– У нас есть что вам предложить, – сказал Грэм. – Материалы исследований, видеофильмы по психиатрии, даже киноролик. Я переговорю с администрацией больницы.

– А, с Чилтоном. Ну да, вы ведь должны были встретиться с ним, когда пришли. Отвратительный тип, правда? Обратили внимание, как неумело он пытается заглянуть к вам внутрь – словно подросток, который впервые лезет под юбку? Рассматривает вас исподтишка. Заметили, да? Хотите – верьте, хотите – нет, но он пытался прогнать меня через ТАТ⁵. Меня! Сидел тут с непроницаемым лицом, не мог до-

⁵ ТАТ (Тематический апперцепционный тест) – психологический тест, предло-

ждать, когда я дойду до Эм-эф-тринадцать. Ха-ха. О, простите, забыл, что вы не относитесь к клану посвященных. Речь идет о рисунке – женщина на кровати и на переднем плане мужчина. Он ждал, что, интерпретируя эту ситуацию, я буду скрывать возникшие у меня сексуальные ассоциации. Я просто рассмеялся ему в лицо. А он надулся как индюк и объявил всем, что я избежал тюрьмы лишь благодаря синдрому Ганзера, – не будем вдаваться в психиатрию. Все это очень скучно.

– Вы получите доступ к фильмотеке Американской медицинской ассоциации.

– Я все равно не получу того, что меня интересует.

– Откуда такая уверенность?

– Мне достаточно и моих книг.

– Я познакомлю вас со всеми материалами этого дела. Но есть еще одна причина, по которой вы не откажетесь.

– Да? И какая же?

– Я полагаю, вам было бы любопытно проверить, кто умнее – вы или тот, кого я ищу.

– По вашей логике, вы умнее меня, поскольку вы меня поймали!..

– Нет, я знаю, что не умнее вас.

– Тогда как же вы меня поймали, Уилл?

женный Х. Мюрреем в 30-х годах. Составлен из 20 карточек-рисунков, изображающих так называемые неопределенные ситуации. Пациент должен рассказать историю, придуманную им по каждой карточке.

– Вам кое-что мешало.

– Что же?

– Страсть. К тому же вы душевнобольной.

– А вы неплохо загорели, Уилл.

Грэм промолчал.

– И руки у вас огрубели. Они больше не похожи на руки полицейского. А ваш лосьон как будто выбирал ребенок. Там парусник на этикетке, да?

Доктор Лектер редко держит голову прямо. Задав вопрос, он наклоняет голову то вправо, то влево; его пытливый взгляд вкручивается в лицо собеседника, словно штопор в пробку. Снова наступила пауза. Наконец Лектер произнес:

– Не рассчитывайте уговорить меня, играя на моем тщеславии.

– Я и не рассчитываю вас уговорить. Вы или согласитесь мне помочь, или откажетесь. Кстати, над этой проблемой работает сейчас доктор Блум, а это лучший...

– Дело у вас с собой?

– С собой.

– А снимки?

– И снимки.

– Хорошо, оставьте. Посмотрю на досуге.

– Нет.

– Вы умеете мечтать, Уилл?

– До свидания, доктор Лектер.

– Что же вы не пригрозили книги отобрать?

Грэм повернулся, чтобы уйти.

– Ну ладно, давайте досье. Я скажу вам, что думаю.

Папку пришлось буквально втискивать в лоток для передачи пищи, хотя она содержала далеко не все материалы дела. Лектер потянул его к себе.

– Сначала идет краткое изложение. Вы можете прочесть его прямо сейчас.

– Не возражаете, если я поработаю один? Дайте мне час.

Грэм ждал, сидя на выдавшем виды продавленном диванчике в мрачноватой, служившей для отдыха медперсонала комнате. То и дело заходили санитары перехватить чашечку кофе. Но он не разговаривал с ними. В каком-то оцепенении он переводил взгляд с одного предмета на другой, с радостью убеждаясь, что они не плывут у него перед глазами. Дважды ему пришлось выйти в туалет.

Через час санитар снова впустил Грэма в отделение строгого режима.

Лектер с отрешенным видом сидел за своим столиком. Грэм знал, что почти все это время Лектер рассматривал снимки.

– Ну что я могу сказать... Он очень стеснителен, этот наш мальчик. Я бы с удовольствием встретился с ним. А вам не приходило в голову, что он урод? Или считает себя таковым?

– Зеркала?

– Именно. Вы заметили, в обоих случаях он вдребезги разбил все зеркала. Только ли ради нескольких осколков?

Кстати, их он использует не только в качестве... гм... режущих инструментов. Они вставлены так, чтобы он мог видеть свое отражение. В глаза Джейкоби и... как ее? Как звали вторую?

– Миссис Лидс.

– Именно.

– Интересно, – пробормотал Грэм.

– Перестаньте. Вы не могли не догадаться об этом сами.

– Да, я действительно об этом думал.

– А сюда пришли просто взглянуть на меня? Восстановить, так сказать, нюх? Без меня не получается?

– Мне хотелось бы узнать ваше мнение.

– У меня его пока нет.

– Я подожду.

– Могу я оставить дело у себя?

– Я еще не решил, – медленно сказал Грэм.

– Кстати, почему нет описания участков? У вас здесь есть фотографии фасадов, планы этажей и комнат, в которых произошли убийства, и почти ничего нет об участках вокруг домов. Что они собой представляли?

– Большие участки, огорожены заборами, кое-где живые изгороди. А что?

– А то, мой дорогой Уилл, что если этот наш странник находится в особых отношениях с луной, то он, видимо, выходит из дома и смотрит на нее. Перед тем как привести себя в порядок, ну вы понимаете. Вы когда-нибудь видели кровь

в лунном свете, Уилл? Она выглядит абсолютно черной. Хотя, конечно, сохраняет свой естественный блеск. Чтобы так развлекаться, да еще в чем мать родила, нужно быть уверенным, что соседи не увидят. Соседей нужно уважать... хм.

– Вы считаете, что при выборе жертв огражденный участок является для него одним из необходимых условий?

– Конечно. А эти жертвы не последние. Позвольте мне оставить у себя дело, Уилл. Я поработаю с ним, изучу. Если есть еще какие-нибудь материалы, я хотел бы взглянуть и на них. Вы можете позвонить мне. В тех редких случаях, когда звонит мой адвокат, мне приносят телефон сюда. Раньше его голос просто пускали через интерком и, конечно, нас слушали все кому не лень. Вы не дадите мне номер своего домашнего телефона?

– Нет.

– Знаете, как вам удалось поймать меня, Уилл?

– До свидания, доктор Лектер. Вы можете звонить по номеру, записанному на обложке дела. Мне все передадут.

Грэм пошел по коридору.

– Знаете, почему вы поймали меня?

Грэм уже исчез из виду и быстро шагал к стальной двери.

– Вы поймали меня, потому что мы с вами одинаковые!

Это были последние слова Лектера, которые услышал Грэм, – его голос остался за стальной дверью.

Опустив голову, никого не замечая, Грэм брел как сомнамбула, боясь только одного – проснуться. В висках гул-

ко стучала кровь, словно удары крыльев большой птицы. От стальной клетки до выхода – рукой подать. Три коридора, пять дверей отделяют доктора Лектера от внешнего мира. В вестибюле Грэму вдруг почудилось, что Лектер вышел вместе с ним. Остановившись у выхода, он огляделся, удостоверясь, что рядом никого нет.

Из машины, стоящей по другую сторону улицы, Фредди Лаундс просунул в окно телеобъектив и сделал великолепный снимок. Грэм в профиль у входа в здание с гранитной доской, на которой красовалась надпись: «Чесапикская больница для невменяемых преступников».

Перед публикацией редакторы «Тэтлер» обрезали фотографию, оставив лицо Грэма и два последних слова из названия.

8

После ухода Грэма доктор Ганнибал Лектер лег на кровать и погасил свет. Прошло несколько часов.

Сначала он наслаждался фактурой ткани наволочки, на которой лежали его сцепленные за головой руки... затем кончиком языка скользнул по нежнейшей плоти – внутренней стороне щеки.

Потом он перешел на запахи. Появились фантазии. Один запах он действительно чувствовал, другие – воображал. Раковину посыпали хлоркой – сперма. В конце коридора начали раздавать острое мясо – затвердевшая от пота рубашка цвета хаки. Грэм не захотел давать ему свой домашний телефон – горький зеленый запах размятого лопуха.

Лектер сел на кровати. А Грэм мог быть и повежливее. В памяти возник теплый латунный запах электрических часов.

Лектер несколько раз моргнул. Его брови поползли вверх. Он включил свет и написал записку Чилтону с просьбой принести ему телефон, чтобы он мог позвонить своему адвокату.

По закону Лектер имел право разговаривать с адвокатом наедине. Он не злоупотреблял этим. Поскольку Чилтон не позволял ему выходить к телефону, аппарат приносили прямо в камеру.

Вот и сейчас два охранника приволокли его, раскручивая

на ходу длинный шнур, подключенный к розетке около их стола. Один открыл дверь ключом. Другой держал наготове баллончик со слезоточивым газом.

– Отойдите в глубину камеры, доктор Лектер. Лицом к стене. Если вы повернетесь или попытаетесь подойти к барьеру раньше, чем услышите щелчок замка, я выпущу газ вам в лицо. Все понятно?

– Да, вполне, – кивнул Лектер. – Спасибо, что принесли телефон.

Номер пришлось набирать, просунув руку сквозь нейлоновую сетку. В справочной Чикаго ему дали телефонные номера факультета психиатрии Чикагского университета и кабинета доктора Алана Блума. Он позвонил на коммутатор факультета психиатрии.

– Я хотел бы поговорить с доктором Аланом Блумом.

– Не знаю, на месте ли он сегодня, но сейчас соединю вас.

– Секундочку. У меня совсем вылетело из головы имя его секретаря.

– Линда Кинг. Сейчас я вас соединю.

Раздалось восемь гудков, прежде чем трубку наконец подняли.

– Слушаю вас.

– Это вы, Линда?

– Линда не работает по субботам.

Доктор Лектер на это и рассчитывал.

– Быть может, вы мне поможете, если вас не затруднит.

Это Боб Грир из издательства «Блейн энд Эдвардс паблншннг». Доктор Блум просил меня переслать экземпляр книги «Психиатр и закон» Уиллу Грэму, и Линда должна была отправить мне его адрес и номер телефона, но, видно, забыла.

– Дело в том, что я всего лишь аспирантка, она будет в поне...

– Понимаете, тогда придется связаться с доктором Блумом, но мне страшно не хотелось бы беспокоить его, ведь он поручил все это Линде, и как-то неудобно подводить ее. Милочка, все эти данные обязательно там где-то поблизости, в картотеке. Я на вашей свадьбе спляшу, если вы меня выручите.

– У Линды нет картотеки.

– Может, у нее там телефонная книжка лежит?

– Да, тут есть книжка.

– Будьте так добры, отыщите мне этого Грэма, и я от вас отстану.

– Как, вы сказали, его зовут?

– Грэм... Уилл Грэм.

– Подождите минутку... Ага, вот нашла. Домашний телефон 305 JL5-7002.

– Но я бы хотел отправить ему книгу по почте.

– Здесь адреса нет.

– А что там есть?

– Так, Федеральное бюро расследований, Пенсильва-

ния-авеню, десять, Вашингтон, округ Колумбия... ага, и почтовый ящик три тысячи шестьсот восемьдесят, Марафон, Флорида.

– Замечательно, вы просто ангел.

– Рада была помочь.

Лектер почувствовал себя намного лучше. Теперь он сможет как-нибудь порадовать Грэма телефонным звонком, и если тот не станет вести себя повежливее, то придется позвонить в аптеку и по старой дружбе заказать для него калоприемник с дренажной трубкой.

А в тысяче с лишним километрах на юго-запад, в Сент-Луисе, в кафетерии кинофабрики «Гейтуэй филм лабораториз», Фрэнсис Долархайд ждал, когда поджарится его бифштекс. Образцы предлагаемых закусок на витрине были покрыты прозрачной пленкой. Он стоял у кассового аппарата и потягивал кофе из бумажного стаканчика.

Молодая рыжеволосая женщина в белом халате вошла в кафетерий и принялась внимательно разглядывать автомат для продажи карамелек, покусывая губы. Несколько раз она оглядывалась на Фрэнсиса Долархайда, стоящего к ней спиной. Наконец она подошла к нему и тихим голосом произнесла:

– Мистер Долархайд.

Долархайд обернулся. На нем были защитные очки с красными стеклами, которые он не снимал, даже выходя из провочной. Она уставилась ему на переносицу.

– Мы не могли бы присесть с вами на минутку? Мне нужно вам кое-что сказать.

– В чем дело, Эйлин?

– Я... я хотела извиниться. Понимаете, Боб был сильно пьян и... ну, в общем, строил из себя шута. Он не имел в виду ничего такого. Прошу вас, давайте присядем. Ну пожалуйста. Больше минуты я вас не задержу.

– Угу.

Долархайд не сказал «сядем», потому что плохо произносил звук «с».

Они сели. Эйлин нервно теребила в руках салфетку.

– Все так хорошо веселились на той вечеринке, и мы были так рады, что вы заглянули, – начала она. – Честно, рады и... приятно удивлены. Вы ведь знаете Боба, он постоянно всех копирует. Ему бы по радио выступать. Он стал имитировать акценты, рассказал пару анекдотов, представляете, как настоящий негр. Когда он копировал ваш голос, у него и в мыслях не было вас обидеть. Он был слишком пьян, чтобы понимать, кто находится в комнате.

– Все так хохотали, но потом... больше не хохотали.

Долархайд избегал слова «перестали» из-за звука «с».

– Это только позже до Боба дошло, что он натворил.

– Но тем не менее он продолжал.

– Да, – произнесла она. – Я потом спрашивала его. Он сказал, что не имел в виду ничего дурного, а когда сообразил, в чем дело, то решил, что, если сейчас остановится, тогда уж точно все подумают на вас. Вы сами видели, как он покраснел.

– Он предложил мне подыграть ему.

– Он обнял вас и просто хотел похлопать по плечу. Чтобы вы улыбнулись и все превратилось в шутку.

– Я ее уже оценил, Эйлин.

– Бобу ужасно неловко.

– Ну, я не хотел бы, чтобы ему было неловко. Не хотел бы. Передайте ему это от меня. На его работе это никак не... Его положение на нашем предприятии будет прежним. Черт, будь у меня его талант, я бы такие чуде... номера откалывал. – Доллархайд изо всех сил старался избегать звука «с». – Вот организуем какую-нибудь вечеринку, там он увидит мое отношение к этому.

– Спасибо, мистер Доллархайд. Конечно, он номера дай боже откалывает, но вообще-то он парень чуткий. Даже чувствительный какой-то.

– Это уж точно. Я думаю, даже нежный!

Голос Доллархайда был приглушен; садясь, он всегда прикрывал рот кулаком, уперев его в основание носа.

– Простите?

– Я говорю, общение с вами идет ему на пользу.

– Да. Думаю, что да. Он теперь почти совсем не пьет, только по выходным. Потому что как только приходит суббота, сразу же начинает названивать его жена. Когда я с ней разговариваю, он корчит смешные рожи, но, по-моему, очень расстраивается. Женщины всегда это чувствуют. – Она коснулась его запястья и, несмотря на то что Доллархайд был в темных очках, заметила, как что-то промелькнуло в его глазах. – Не принимайте все это близко к сердцу, мистер Доллархайд. Я рада, что мы смогли поговорить.

– Я тоже, Эйлин.

Доллархайд посмотрел ей вслед. На одной ноге, выше икры,

виднелся засос. Он подумал, что вряд ли симпатичен Эйлин, да и всем остальным тоже.

В огромном проявочном цехе было прохладно и пахло химическими реактивами. Фрэнсис Долархайд проверил раствор в проявочном резервуаре А. Первостепенное значение имели температура и насыщенность раствора. Ежечасно через него проходили сотни метров любительских фильмов, присланных со всей страны. Долархайд отвечал за всю цепочку операций проявления пленки, вплоть до просушки. Много раз в течение дня он вынимал пленки из проявочных резервуаров и просматривал их кадр за кадром. В огромной темной комнате было тихо и спокойно. Долархайд пресекал болтовню подчиненных на рабочем месте, общаясь с ними главным образом жестами. Вечерняя смена закончилась, но он остался в проявочной, чтобы обработать и смонтировать свой собственный фильм.

Долархайд вернулся домой около десяти вечера. Он жил один в огромном доме, доставшемся ему от бабушки. Дом стоял в самом конце дороги, идущей через яблоневый сад к северу от Сент-Чарльза, что по другую сторону реки Миссури, если ехать из Сент-Луиса. За бесхозным садом никто не следил. Сухие, скрюченные деревья торчали среди молодых яблонек. Сейчас, в конце июля, над садом стоял запах прелых яблок. Днем множество пчел жужжало над деревьями. Ближайшие соседи жили в восьмистах метрах.

Возвращаясь, Долархайд всегда делал обход дома: несколько лет назад кто-то пытался залезть к нему. Он зажег свет во всех комнатах и осмотрелся. Пусть грабитель думает, что он не один. Одежда бабушки и дедушки все еще висела в стенных шкафах, на туалетном столике лежали бабушкины расчески со спутанными волосами. Ее зубы покоились в стакане на прикроватной тумбочке. Вода из стакана уже давно испарилась. Бабушка умерла десять лет назад.

(Распорядитель на похоронах попросил его тогда: «Мистер Долархайд, не могли бы вы принести мне зубы вашей бабушки?» «Заколачивайте крышку», – ответил он.)

Убедившись, что в доме никого нет, Долархайд поднялся наверх, где долго принимал душ и мыл голову.

Затем облачился в кимоно из искусственного шелка и улегся на узкую кровать в комнате, которую ему отвели, когда он был еще ребенком. Фен у него был старый, еще бабушкин, со шлангом и колпаком. Он надел его и, пока волосы сушились, пролистал новый журнал мод. Некоторые фотографии носили явный отпечаток ненависти и жестокости.

Он почувствовал возбуждение. Повернув металлический абажур настольной лампы, он направил свет на репродукцию, висевшую на стене возле кровати. «Большой красный дракон и жена, облаченная в солнце» Уильяма Блейка⁶. Ко-

⁶ Уильям Блейк (1757–1827) – английский поэт и график. Часто выражал свои взгляды философа-бунтаря в форме загадочно-символических «видений». Картина «Большой красный дракон и жена, облеченная в солнце» – символический образ из Откровения св. Иоанна Богослова, 12, 1–3.

гда-то картина ошеломила его с первого взгляда. Никогда раньше он не видел ничего, что так соответствовало бы образам, жившим внутри его. Казалось, Блейк заглянул через ухо в его сознание и увидел там Красного Дракона. Поначалу Долархайда не отпускал страх, когда он представлял, как его мысленные образы, светясь, выплывают у него из ушей. А вдруг их увидят в темноте проявочной? А вдруг они засветят пленки? Он заткнул уши ватными шариками. Потом, боясь, что простая вата может загореться, он попробовал использовать комочки металлической ваты. Но уши стали кровоточить. Тогда он отрезал немного асбестовой ткани с гладильной доски, скатал небольшие шарики-затычки.

Долгое время в жизни Долархайда ничего, кроме Красного Дракона, не было. Сейчас у него появилось кое-что еще: он стал ощущать начало эрекции.

Сегодня он хотел насладиться этим не спеша, но, увы, он не мог больше ждать.

Он быстро задернул тяжелые шторы на окнах комнаты в нижнем этаже. Повесил экран, установил проектор. Дедушка поставил в этой комнате откидное кресло, несмотря на протесты бабушки. (Она потом повесила на спинку какую-то вышитую накидку.) Теперь Долархайд на него нарадоваться не мог: кресло было очень удобное.

Он погасил свет, откинул спинку кресла, и скоро фантазии увлекли его прочь из этой темной комнаты. Закрепленная на потолке светоустановка, вращаясь, отбрасывала раз-

ноцветные блики на стены, пол и его кожу. Он представил себя летящим в ракете. За выпуклым стеклом кабины мелькали звезды. Закрыв глаза, он, казалось, ощущал, как яркие пятна света двигаются по его телу, а когда открывал их – разноцветные блики превращались в огни далеких городов, окружающих его со всех сторон. Не было больше ни верха, ни низа. Разогреваясь, светоустановка начинала вращаться быстрее, рисуя на мебели угловатые линии, проливаясь на стены метеоритным дождем. Долархайд представлял себя кометой, летящей через созвездие Рака.

Но одно место в комнате было укрыто от света. За светоустановкой он укрепил кусок картона так, чтобы блики не падали на киноэкран.

Когда-нибудь, но не сейчас, для усиления эффекта он попробует покурить травку.

Долархайд включил проектор. На экране вспыхнул яркий прямоугольник света. Промелькнуло несколько черных полос, крестов и точек, и вот уже серый скотчтерьер наострил уши и понесся к двери кухни, пытаясь схватить зубами поводок.

Следующие кадры показывают, как собака бежит по тротуару, пытаясь на бегу куснуть себя за бок.

На кухню заходит миссис Лидс с пакетами зелени. Она смеется и проводит рукой по волосам. Сзади гурьбой вваливаются дети...

Следующие кадры сняты в спальне самого Долархайда.

Освещение плохое. Он стоит обнаженный перед репродукцией «Большого красного дракона». На нем «боевые очки» – плотно прилегающая пластмассовая маска, как у хоккеистов. У него эрекция, он усиливает ее рукой.

Вот он приближается к камере, имитируя движения восточного танцора, изображение теряет резкость, рука регулирует фокусное расстояние, и лицо заполняет весь экран. Изображение на экране подпрыгивает и вдруг неожиданно замирает. Крупным планом его рот – обезображенный задранной верхней губой, просунутым между зубами языком – и закатившийся глаз. И снова рот заполняет весь экран, излом оскала, губы смыкаются на объективе, и изображение гаснет.

Трудности при съемке следующей части были очевидны.

Камера прыгает в руках, нерезкое пятно света приобретает очертания кровати и корчащегося на ней мистера Лидса. Прикрывая глаза от света, миссис Лидс садится на постели, поворачивается к мужу и протягивает к нему руки, затем пытается перекатиться на край кровати и встать, но ноги запутываются в покрывале. Камера дергается в руках, и на экране появляется потолок, его лепнина крутится, как велосипедные спицы, потом изображение меняется, становится более устойчивым. Женщина лежит навзничь на матрасе, по ночной рубашке расплывается темное пятно. Рядом ее муж с дико вытаращенными глазами сжимает рукой горло. Экран на секунду гаснет, затем в месте монтажной склейки

промелькнула галочка, поставленная на пустом кадре.

Теперь камера устойчиво стоит на штативе. Все они уже мертвы и рассажены по местам: двое детей – у стены лицом к кровати, третий – в углу, лицом к камере, мистер и миссис Лидс – в постели, укрытые одеялом. Мистер Лидс прислонен к спинке кровати, веревка, стягивающая грудь, не видна, голова свесилась набок.

Слева в кадре появляется Долархайд, двигаясь как индонезийский танцор. Он весь перепачкан кровью, на нем нет ничего, кроме маски и резиновых перчаток. Он гримасничает и прыгает среди трупов. Затем подходит к дальней стороне кровати, где лежит миссис Лидс, сдергивает одеяло и замирает в позе Христа, принимающего плат от Вероники.

Сейчас, сидя в гостиной бабушкиного дома, Долархайд весь покрылся потом. Он то и дело высовывает язык, шрам на верхней губе влажен, он постанывает, не давая ослабнуть возбуждению.

Но, даже находясь на самой вершине блаженства, ему немного неприятно смотреть последнюю сцену, где он, утратив всю грацию и элегантность движения, подобно свинье, роющей землю рылом, мельтешит задницей перед самой камерой. Никаких драматических пауз, никакого чувства ритма и пика наивысшего возбуждения, одна лишь животная страсть.

И все-таки замечательно получилось. Смотреть фильм – одно наслаждение. Хотя наяву все, конечно, намного силь-

нее.

Долархайд увидел в фильме два упущения. Первое – нет сцены смерти Лидсов, и второе – его собственное действие в конце оставляло желать лучшего. Куда подевались величие и достоинство, присущие Красному Дракону?

Ничего, это не последний фильм в его жизни. Набравшись опыта, он сможет добиться настоящего актерского мастерства даже в самых интимных сценах.

Он все преодолет. Ведь это труд всей его жизни, величественное творение, которое будет жить в веках. Скоро поступят фильмы о семейных пикниках 4 июля⁷, и он подберет себе новый актерский состав. Конец лета всегда приносил уйму хлопот: люди тысячами возвращались из отпусков. Да еще День благодарения подбросит работенки.

Каждый день семьи со всей страны присылали ему заявки на участие в его фильмах.

⁷ 4 июля – День независимости США.

В салоне самолета, следующего рейсом Вашингтон – Бирмингем, было много свободных мест. Грэм расположился у иллюминатора, соседнее кресло оставалось пустым.

Он отказался от предложенного стюардессой неаппетитного сэндвича и разложил на откидном столике материалы следствия по делу об убийстве семьи Джейкоби. Он заранее выписал данные, которые были общими для Джейкоби и Лидсов.

Обеим парам было под сорок. И те и другие имели детей – двух мальчиков и девочку. У Эдварда Джейкоби был еще один сын, от первого брака, который в день гибели семьи находился в общежитии при колледже.

Родители имели высшее образование, жили в двухэтажных домах в богатых районах. И миссис Джейкоби, и миссис Лидс были весьма привлекательны. Семьи пользовались одинаковыми кредитными карточками и выписывали одни и те же популярные журналы.

На этом сходство кончалось. Чарльз Лидс был юристом, специализирующимся на налоговом законодательстве, Эдвард Джейкоби – инженером-металлургом. Лидсы были пресвитериане, Джейкоби – католики. Лидсы родились и жили в Атланте, Джейкоби переехали в Бирмингем из Детройта всего за три месяца до своей трагической гибели.

Слово «случайность» не переставало звучать в ушах у Грэма, как стук капель, падающих из подтекающего крана. «Случайный выбор жертв», «Отсутствие очевидных мотивов» – эти газетные клише полицейские детективы, расследующие убийства, повторяли не иначе, как матерясь.

Но слово «случайность» сейчас не годилось. Грэм знал, что убийцы такого типа жертвы наугад не выбирают.

Тот, кто убил Джейкоби и Лидсов, увидел в них нечто такое, что привлекло его, заставило сделать то, что он сделал. Он мог быть хорошо знаком с ними – Грэм надеялся на это, – но мог и вовсе не знать их. В одном он был уверен – убийца видел их до того, как принял решение расправиться с ними. Он выбрал их потому, что увидел в них что-то, и это что-то было связано с женщинами. Но что именно?

В самих преступлениях имелись некоторые различия.

Эдвард Джейкоби был застрелен, когда спускался с фонариком по лестнице, – скорее всего, его разбудил шум.

Миссис Джейкоби и дети убиты выстрелами в голову, миссис Лидс – в живот. Оружие в обоих случаях – девятимиллиметровый пистолет. В ранах обнаружены частицы металлической ваты из самодельного глушителя. На гильзах – никаких отпечатков пальцев.

От ножа погиб только Чарльз Лидс. Доктор Принси определил, что у ножа тонкое и очень острое лезвие, возможно, это филейный нож.

Способы проникновения в дом также различны. У Джей-

коби он применил фомку, а у Лидсов – стеклорез.

Судя по фотографиям бирмингемской трагедии, там было меньше крови, чем в доме Лидсов. Но на стене в спальне, на высоте шестидесяти и сорока пяти сантиметров от пола, – кровавые пятна. Значит, в Бирмингеме убийца тоже рассаживал своих жертв. Полиция Бирмингема проверила отпечатки пальцев на телах, осматривая каждый квадратный сантиметр, включая ногти, но не обнаружила никаких следов. Если какие-то отпечатки вроде тех, что нашли на ребенке Лидсов, и были пропущены, то с трупов, пролежавших в могиле в течение жаркого летнего месяца, уже ничего снять невозможно.

В обоих случаях на месте преступления были найдены те же белокурые волосы, та же слюна и сперма...

В салоне самолета стояла тишина.

Грэм установил фотографии двух улыбающихся семей на откидной столик и стал смотреть на них.

Что же все-таки привлекло убийцу именно к ним? Грэму хотелось верить в то, что жертв обязательно объединяет какая-нибудь черта и она скоро отыщется.

Если же нет... Тогда ему придется входить еще не в один дом и искать новые следы, которые оставит ему Зубастик.

Грэм получил инструкции городского управления полиции Бирмингема сразу же по прибытии в аэропорт и связался с ними по телефону. Кондиционер взятой напрокат мало-

литражки выплюнул ему на рубашку струю дождевой воды.

Первым делом Грэм поехал на Деннисон-авеню, в принадлежащую Джиэну контору по продаже недвижимости.

Джиэн, высокий лысый мужчина, поспешил к двери, ступая по паласу бирюзового цвета, чтобы поприветствовать посетителя. Но стоило Грэму показать удостоверение и попросить ключ от дома Джейкоби, как улыбка с его лица сползла.

– Скажите, а там сегодня будут полицейские в форме? – спросил Джиэн, почесывая затылок.

– Не знаю.

– Дай бог, чтобы не было. Сегодня после обеда должны появиться два клиента. Дом-то красивый, что и говорить. Видя его, люди сразу забывают о других вариантах. В прошлый четверг была у меня одна пара, состоятельные пожилые люди, желающие переселиться сюда, на юг. Я повез их туда, довел до калитки, и мы уже начали торговаться, но тут, как назло, возьми да и появиись патрульная машина. Мои клиенты что-то у них спросили, те ответили. Ну, слово за слово. В общем, эти полицейские им целую экскурсию по дому устроили, не поленились показать, кто где лежал. И все, будь здоров, Джиэн, очень тебе признательны. Я попытался показать им, какой системой безопасности мы снабдили дом, так они даже и слушать не стали. Залезли в машину, и только я их и видел.

– А одинокие мужчины не приходили посмотреть дом?

– Вроде нет. Правда, другой агент тоже может привести своего клиента посмотреть мой дом, а при продаже получит свой процент. Полиция долго не разрешала делать внутренний ремонт. Вот только во вторник закончили. В два слоя пришлось красить, а кое-где и в три. А снаружи все никак закончить не можем. Но дом будет, я вам доложу, – конфетка!

– Но вы ведь все равно не сможете его продать, пока не появится официально утвержденное имущественное завещание?

– Полностью оформить сделку, конечно, пока нельзя, но все подготовить я могу. В конце концов, можно въехать туда и на основании договора о намерениях. Надо ведь что-то делать. В моем положении приходится как-то крутиться. Бумаги на дом сейчас у другого агента. Процент отдавать не хочется. В общем, я об этом доме не могу забыть даже во сне.

– Кто является душеприказчиком мистера Джейкоби?

– Байрон Меткаф из фирмы «Меткаф и Барнз». Сколько вы собираетесь там пробывать?

– Не знаю. Пока не закончу.

– Можете потом опустить ключ в почтовый ящик. Чтобы не возвращаться сюда.

Дом Джейкоби стоял у самой границы стремительно расширяющегося в последнее время города. Чтобы отыскать поворот на нужную дорогу, пришлось останавливаться на обочине автострады и сверяться с картой. Грэм ехал, не испы-

тывая особого энтузиазма, – след явно остыл.

Убийство произошло больше месяца назад. Что же он сам делал в это время? Устанавливал два дизельных двигателя на двадцатиметровую яхту, сигналив сидящему на кране Арьяге. Ближе к вечеру приходила Молли, и они втроем усаживались на корме почти готового судна перекусить. Ели принесенных Молли крупных креветок, запивая холодным пивом. Арьяга объяснял, как лучше чистить лангуста, рисуя пальцем на опилках, которыми была усыпана палуба, а солнечный свет, отражаясь от воды, играл на крыльях кружащихся над морем чаек.

Вода из кондиционера снова брызнула на рубашку, и Грэм снова оказался в Бирмингеме, вдали от креветок и белых чаек. Справа от дороги простирались лесистые участки и обширные луга, на которых паслись козы и лошади. Слева раскинулся Стоунбридж, хорошо обжитой район с несколькими элегантными домами и первоклассными особняками богачей.

Табличка с надписью «Продается» была видна за сотню метров. Дом Джейкоби одиноко стоял по правую сторону от дороги. Мелкие камешки застучали по крыльям машины – гравий, по которому он ехал, был местами липким от жилицы, капающей с ореховых деревьев, стоявших вдоль дороги. Плотник, взобравшись на лестницу, устанавливал на окно решетку. Заметив обходящего дом Грэма, он приветственно махнул ему рукой.

Мощенный плитами внутренний дворик утопал в тени могучего дуба. Должно быть, ночью крона дерева заслоняет его от света уличного фонаря. Здесь, через стеклянную раздвижную дверь, и проник в дом незванный гость. Теперь она была уже заменена на новую, с блестящей на солнце алюминиевой рамой, на которой еще виднелись кое-где заводские наклейки. Перед новой дверью была вделана кованая решетка. Новая стальная дверь цокольного этажа, установленная заподлицо со стеной, закрывалась на засовы с защелками. В деревянных ящиках на каменных плитах двора ждала своего часа сантехника для ванной комнаты.

Грэм вошел внутрь. Голые полы и запах нежилого помещения. Шаги гулким эхом разносились по всему дому. В новых зеркалах в ванной никогда не отражались лица ни Джейкоби, ни убийцы. На них еще сохранились белые обрывки ценников. В углу самой большой спальни маляры оставили, свернув в рулон, заляпанную высохшей краской бумагу, которой застилали во время работы полы. Грэм просидел на рулоне довольно долго, пока квадрат солнечного света, проникающего через голое окно, не отполз от него на ширину одной половой доски.

Нет, здесь ничего не было. Уже ничего.

Если бы он приехал сюда сразу же после смерти Джейкоби, быть может, Лидсы были бы еще живы? Внезапно Грэм ощутил всю непосильную тяжесть, которую ему предстояло нести.

Он вышел из дома. Небо было голубое, ни облачка. Но легкости он не почувствовал.

Опустив плечи и засунув руки в карманы, Грэм стоял в тени орехового дерева у калитки и молча смотрел на подъездную дорогу, ведущую к основной, проходящей перед домом Джейкоби.

Как же Зубастик подобрался к дому Джейкоби? Сюда он мог приехать только на машине. Где он ее оставил? Может, подкатил по засыпанной гравием подъездной дороге прямо к калитке? Нет, слишком шумно. Хотя полиция Бирмингема так не считала.

Грэм не спеша направился к асфальтовой дороге. Вдоль обочины, насколько видел глаз, тянулся кювет. Если почва сухая и твердая, то вполне можно, переехав кювет, загнать машину в кусты со стороны дома Джейкоби. Через дорогу, напротив дома Джейкоби, был единственный въезд в Стоунбридж. Дорожный указатель предупреждал, что район охраняет частная патрульная служба. Там вполне могли заметить незнакомую машину. Да и человека, одиноко гуляющего поздно ночью. Итак, Стоунбридж исключается.

Грэм вернулся в дом и с удивлением обнаружил, что телефон работает. Позвонив в метеорологическую службу, он узнал, что за день до убийства Джейкоби шел сильный дождь. Значит, кюветы были заполнены водой и Зубастик вряд ли смог съехать с дороги и оставить машину в кустах.

Грэм зашагал вдоль свежерыкрашенного забора в глубь

участка Джейкоби. На соседнем участке он увидел пасущуюся лошадь. Обойдя хозяйственные постройки, он остановился, увидев в земле яму, в которой был похоронен кот. Размышляя об этом эпизоде в управлении, он почему-то представлял себе, что все дворовые постройки белого цвета. На самом же деле они были темно-зелеными. Дети завернули кота в посудное полотенце и похоронили в коробке из-под обуви, вложив между лапок цветов.

Грэм облокотился на забор и закрыл лицо руками.

Похороны домашнего любимца, печальный ритуал детства. Родители возвращаются в дом, не зная, уместна ли тут молитва. Дети беспокойно поглядывают то друг на друга, то на могилку, где покоится дорогое им существо. Девочка первой склоняет голову, за ней – братья. Они роют землю лопатой, которая больше самого высокого из них. Затем начинают спорить, попадет ли кот на небеса.

Стоя у забора под жаркими лучами летнего солнца, Грэм мысленно представлял себе эту сцену. Внезапно к нему пришла догадка, переросшая в уверенность. Убив кота, Зубастик не мог отказать себе в удовольствии понаблюдать за его похоронами. Такое зрелище он пропустить не мог.

Вряд ли он приезжал сюда дважды: сначала для того, чтобы убить кота, а затем – покончить с Джейкоби. Он пришел, убил кота и подождал, пока дети найдут его.

Где дети нашли мертвого кота, сейчас уже не узнать. Полиции не удалось отыскать никого, кто разговаривал бы с

Джейкоби после ланча.

Какой дорогой приехал сюда Зубастик? Где прятался?

За задним забором начинались густые заросли кустарника, тянувшегося метров на тридцать, до самого леса. Грэм достал из кармана карту и разложил ее на заборе. Непрерывная полоса леса шириной метров четыреста тянулась от дома Джейкоби в обоих направлениях. За лесом шла грунтовая дорога, параллельная той, что проходила напротив дома Джейкоби.

Грэм отъехал от дома и вырулил на шоссе, измеряя расстояние по спидометру. Свернув на юг, он промчался по автостраде и наконец добрался до грунтовой дороги, указанной на карте. Снизил скорость и проехал до места, которое, судя по спидометру, находилось точно за домом Джейкоби по другую сторону леса.

Здесь дорожное покрытие заканчивалось и начинались новые постройки, еще не обозначенные на карте. Грэм втиснулся на автостоянку. Большинство автомобилей на ней были старыми, с просевшими рессорами. Две машины стояли на деревянных колодках.

Чернокожие мальчишки играли в баскетбол, прыгая вокруг единственного кольца без сетки. На минуту Грэм оперся на крыло своей машины, наблюдая за их сражением.

Он хотел было снять пиджак, но вовремя вспомнил о пистолете и фотоаппарате, которые наверняка привлекут внимание. Он всегда смущался, когда рассматривали его ору-

жие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.